

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

НЕ БОЙСЯ ДРУЗЕЙ. Том 1

Викторианские забавы «Хантер-клуба»

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

**Не бойся друзей. Том
1. Викторианские
забавы «Хантер-клуба»**

«Звягинцев Станислав»

2012

Звягинцев В. Д.

Не бойся друзей. Том 1. Викторианские забавы «Хантер-клуба» /
В. Д. Звягинцев — «Звягинцев Станислав», 2012 — (Одиссей
покидает Итаку)

ISBN 978-5-699-55476-8

Недружественное и откровенно враждебное окружение не оставляет Россию в покое, в какой бы из реальностей она ни находилась. Становится все более очевидным, что мирное в данный момент противостояние в любую минуту может перерасти в полномасштабные военные действия, как это уже не раз случалось. А потому Вадим Ляхов прикладывает все силы для развития операции «Мальтийский Крест», в результате которой России из главной и альтернативной исторических последовательностей смогут объединиться в одно мощное государственное образование. Однако не все так просто. Косность мышления власть предержащих, боязнь потерять влияние и сиюминутные блага грозят стратегическими ошибками на пути к «светлому будущему». Как и неожиданные вмешательства сил, заинтересованных в тотальном уничтожении «Андреевского братства» и всех, кто разделяет его идеи.

ISBN 978-5-699-55476-8

© Звягинцев В. Д., 2012

© Звягинцев Станислав, 2012

Содержание

Том I. Викторианские забавы «Хантер-клуба»	5
Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	33
Глава четвёртая	44
Глава пятая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Василий Звягинцев

Не бойся друзей. Том I.

Викторианские забавы «Хантер-клуба»

Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство.

Б. Ясенский

Том I. Викторианские забавы «Хантер-клуба»

*Ты и сам иногда не поймёшь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придёшь,
А уйдёшь от людей – не собой.*

А. Блок

Глава первая

Лондонский «Хантер-клуб» существовал в том же собственном здании и в том самом качестве уже почти две сотни лет, невзирая ни на какие исторические и политические катаклизмы, прокатившиеся над миром за эти долгие годы. Собственно, несколько поколений клубменов эти потрясения не слишком и затронули. Как организацию, естественно. С каждым отдельным джентльменом могло случаться что угодно – от осечки карабина во время охоты на льва-людоеда до геройской гибели на фронтах многочисленных войн, какие вела некогда великая Империя во всех уголках земного шара. Но организм жил, представляясь его членам почти бессмертным.

Скорее всего, большинству граждан даже цивилизованных стран никогда не удастся достигнуть такого положения в обществе, чтобы быть представленным хотя бы одному из сорока пяти постоянных членов клуба. Стабильное число «сорок пять» восходит не к известному роману Дюма, а всего лишь к калибру любимого карабина одного из отцов-основателей клуба, сэра Уильяма Юарта, внедрившего у охотников моду на нарезное оружие. Ещё меньше шансов у любого, как угодно богатого нувориша быть приглашённым в число десяти (столько патронов входило в подствольный магазин легендарного «слонобоя») членов-соревнователей¹.

Зато жизнь члена клуба была более чем прекрасна. Круглосуточно несли службу многочисленные вышколенные лакеи, отбор которых не уступал по строгости отбору в личную королевскую охрану. Многие из них передавали свои места по наследству, о чём свидетельствовали специальные нашивки на викторианских полуфраках зелёного, егерского цвета. Для джентльменов форма одежды была свободная, лишь на специальные, посвящённые какой-либо

¹ Член-соревнователь – кандидат в действительные члены. В этом звании можно было провести всю жизнь, ибо переход в действительные члены требовал соблюдения двух условий: появление вакансии и единогласное голосование всех клубменов. Что даже теоретически весьма маловероятно, отчего число «действительных членов» редко достигало и сорока.

значимой дате общие обеды полагалось надевать «охотничьи костюмы» – узкие серые бриджи, высокие коричневые сапоги и красные приталенные сюртуки.

Кухня клуба отличалась традиционностью, в ней преобладала дичь и всевозможные «плоды земные», кулинарные изыски в духе изнеженных французов не приветствовались, ставка делалась на свежесть и качество продуктов вкупе с высочайшей квалификацией поваров. Как встарь, в незабвенном девятнадцатом веке. Даже при намёке на какое-нибудь «суси» или «фуа-гра» лица клубменов искажала презрительно-брезгливая усмешка. То ли дело старый добрый «Хаггинс»²!

Каждый джентльмен имел на верхних, выходящих окнами в сад этажах отдельную, также наследственную спальную комнату, пусть даже пользовался ею всего несколько раз за всю жизнь.

Но это всё, как говорится у философов, – форма. Гораздо интереснее содержание. «Устойчивые общества», вернее, общества с устойчивой социальной структурой, хороши тем, что разного рода институты могут в них существовать столетиями, эту же устойчивость и обеспечивая. Мало кого удивляет факт существования в европейских странах университетов, основанных в двенадцатом веке, или адвокатских контор – в шестнадцатом. Но невозможно вообразить до сегодняшнего дня функционирующий в Петербурге клуб «лейб-кампанцев», гвардейских солдат и офицеров, возведших на престол в 1741 году «дщерь Петрову», императрицу Елизавету! А ведь тем отважным ребятам сплошь были пожалованы офицерские чины и дворянство, у кого его не имелось. И что? Большинство банально спилось от «вольности» и приличного жалованья, а с наступлением следующего царствования о самом факте существования этой самой «лейб-кампании» велено было забыть, «во избежание излишних аллюзий и неконтролируемых ассоциаций». А могли бы, в иных условиях, и сегодня здравствовать и существовать, как особая, весьма почтенная «страта». Вроде французского «Почётного легиона».

Джентльмены-охотники двести лет подряд видели свою основную функцию отнюдь не в стрельбе по крупной и мелкой дичи, хотя и этим занятием не пренебрегая. Если кто не знает, так умелый стрелок по бекасам, вальдшнепам и им подобным птичкам имеет достаточно оснований гордиться своим мастерством даже и перед гордыми убийцами носорогов.

Скорее этот клуб можно сравнить с тем же «Комитетом по защите реальности» Андреевского братства. Джентльмены сосредоточились на поддержании устоев британского общества, которые они сами, как и их деды с прадедами, считали единственно правильными и справедливыми. Для себя, а значит, и для всей Империи. Изобретали направления внешней политики, создавали и свергали кабинеты министров, выстраивали международные коалиции. Не всё и не всегда у них получалось. Например, не удалось добиться крушения и гибели своего главного союзника в Мировой войне – России. Напротив, переоценив свои силы и надорвавшись, развалилась сама Британская империя, над которой довольно долго «никогда не заходило солнце». И ещё много разных «недоработок» у них случалось, так ведь и технические (а главное – интеллектуальные) возможности клубменов были не сравнимы с таковыми у «Андреевского братства».

Но зато в величественном трёхэтажном здании на Пелл-Мелл джентльмены чувствовали себя, как в надёжном противоатомном убежище на стометровой глубине. Что бы там ни творилось на поверхности, здесь тихо, тепло, уютно, и очень легко отрешиться от мыслей о бренном.

² Блюдо, ошибочно в русских переводах называемое «пудингом». На самом деле – нечто вроде нашей карачаевской «сохты» – бараний желудок, туго набитый бараньим же ливером, но вдобавок пополам с какой-нибудь кашей. Хорошо запечённый.

Но отрешаться нельзя. Последние события очень уж раздражали и не могли расцениваться иначе как дерзкий, едва ли не последний и окончательный «цивилизационный вызов», используя термин А. Тойнби.

– Вызов, остающийся без Ответа, повторяется вновь и вновь, – как раз сейчас назидательно говорил вице-президент клуба герцог Честерский. – Неспособность того или иного общества в силу утраты творческих сил и энергии ответить на Вызов лишает это общество жизнеспособности и в конце концов предопределяет исчезновение с исторической арены. Распад общества сопровождается нарастающим чувством неконтролируемости потока жизни, движения истории. В такие моменты с отрезвляющей ясностью выступает действие исторического детерминизма, и Немезида вершит свой исторический суд. Трагедия распада с неизбежностью ведёт к социальной революции...

– Или – к контрреволюции, – то ли перебил, то ли продолжил мысль герцога некий мистер Одли, один из старейших ныне живущих членов клуба. «Ныне живущих» – важная оговорка, поскольку «ушедшие в страну удачной охоты» из списков не вычёркивались и считались всего лишь находящимися в длительной отлучке. Бывали случаи, когда мнение какого-нибудь полковника Флэнагана, изложенное в частном письме или в статье, датированной 1839 годом, вовремя извлечённое из архива одним из клубменов, принималось как вполне правомерное и учитывалось при голосовании современного, *текущего* вопроса. Это напоминало практику дискуссий знатоков Торы в синагоге. Те тоже не делали различий между доводами, высказанными в конце двенадцатого и начале двадцать первого века. Лишь бы они имели отношение к теме.

– Совершенно верно, что мы и видим на примере последних событий в России, – согласился герцог. – Но это не имеет никакого принципиального значения, ибо там «контрреволюция» явилась не следствием отсутствия Ответа, а как раз самим Ответом, а вот мы, к глубокому прискорбию, на брошенные нам Вызовы давно уже не можем найти достойных Ответов. Империя деградирует прямо с того дня, когда согласилась отказаться от плодов победы в Мировой войне ради весьма условного «вечного мира».

– Недавно попытались, с использованием новейших достижений неизвестной нам науки... – усмехнулся Одли. Он имел в виду попытку учинить в Москве военный переворот с привлечением людей из другой реальности, владеющих аппаратурой нейролингвистического программирования и психотронного воздействия.

– Или – самого дьявола, – сказал мистер Левер, сообразно своим словам внешне напомилавший пастора, но явно не являвшийся таковым.

– Дьявол, насколько я представляю его привычки, непременно исполняет взятые на себя обязательства, – со смешком сказал господин Пейн, один из немногих присутствующих являвший собой тип настоящего охотника «пар экселленс³», по крайней мере, официальных постов он не занимал ни в политике, ни в бизнесе, а свои капиталы якобы хранил по старинке, в сундуках со звонкой монетой и драгоценностями. Подобно султану Брунея. Но это уж точно слухи, распускаемые завистниками.

– По крайней мере, известные документы свидетельствуют, что все недоразумения с означенной персоной начинаются уже за пределами *этого* мира.

– Так там они и начались. Откуда, по-вашему, были приглашены все те люди, что попытались, но не сумели избавить нас от всех раздражающего новоиспечённого царя Олега?

Присутствующие молчаливо согласились с Пейном.

Каждому было понятно, что та история была чересчур невразумительной. Никаким образом не совпадающая с тем, что считается «нормой» у джентльменов, воспринимающих действительность наилучшим из возможных способов. «Охотники» привыкли считать, что в «ста-

³ По преимуществу (*лат.*).

рой доброй Англии» нет людей умнее и могущественнее их. Во многом они были правы. Но «во многом» не значит «во всём». Бывают моменты, когда безусловные преимущества превращаются в явные недостатки.

...Из всего вышесказанного следует, что данное заседание клуба происходило «во второй реальности», то есть в той, где существовал Император Олег. Но, как бы странно это ни выглядело с «позитивистской» точки зрения, оно точно так же могло (а значит, и происходило) в «первой», Главной исторической последовательности. Время – оно иногда весьма пластично, а иногда и инвариантно⁴, если ему самому этого хочется. Таким образом, невозможно с достоверностью утверждать, в каком из две тысячи каких-то годов на самом деле общались почтенные джентльмены и в какую именно реальность открывалась (или открылась бы) входная дверь клуба в тот или иной момент. В полном соответствии с принципом Шредингера⁵. Достаточно иметь в виду, что в каждом фиксируемом случае подлинной остаётся лишь одна из реальностей, а другая и последующие обращаются в гипотетические. Впрочем, это утверждение справедливо только для рассматриваемого случая.

...Около двух лет назад в клубе появился странный джентльмен весьма почтенного вида. Вопреки ещё при Дизраэли утверждённым правилам он был пропущен охраной у входа, а старший лакей проводил его прямо в кабинет мистера Одли, как раз в то время исполнявшего обязанности дежурного вице-президента.

– Каким образом вы осмелились явиться сюда без приглашения? – демонстративно-бесцветным – для знающих его людей весьма угрожающим – голосом спросил вице-президент в ответ на вежливое приветствие незнакомца. При этом он уставился на лакея, допустившего столь вопиющее нарушение Устава: не только впустить «человека с улицы» в здание, но и сопроводить его через анфилады кабинетов, курительных комнат и иных помещений, нарушив покой отдыхающих клубменов и, более того, – позволить ему увидеть то, что посторонним видеть никак не полагалось.

– Но, сэр... – растерянно начал лакей. – Господин предъявил... Я не мог...

Незнакомец остановил его уверенным жестом.

– Оставьте нас, Кид. – Он правильно назвал слугителя по имени.

Не желая затевать перебранку в присутствии лакея, Одли движением руки подтвердил распоряжение «гостя». Лакей удалился, всем своим видом изображая оскорблённое достоинство человека, честно и буквально исполнившего свой долг.

– Итак? – спросил вице-президент.

– Да, именно так! Ваш лакей поступил единственно возможным для него образом, – нежданный гость протянул вице-президенту «клубную карточку». Настоящую, изготовленную из толстого лакированного картона со всеми положенными эмблемами, надписями и подписями. К великому удивлению и шоку мистера Одли – восьмидесятилетней давности!

Но – подлинную, в этом вице-президент не усомнился ни на мгновение. Он, состоящий в клубе полсотни лет, ещё застал джентльменов, имевших такие же, полученные в первой четверти прошлого века. Да и фамилия владельца карточки была ему знакома. Без подробностей, естественно – слишком велика разница в возрасте. Одли мельком удивился собственному спокойствию. Впрочем – чему удивляться? Какое-то объяснение данному факту непременно найдётся. Не случайно ведь было введено в давние времена правило «вечного членства», не из

⁴ Инвариант – выражение, остающееся неизменным при преобразовании переменных, связанных с этим выражением, например при переходе от одной системы координат к другой.

⁵ Основное динамическое уравнение нерелятивистской квантовой механики, позволяет определить возможные состояния системы, а также изменение этих состояний во времени.

одного только стремления к экстравагантности. Очень может быть, что подобные «явления» случались и раньше. А что сам он ни о чём таком не слышал, ещё ничего не значит.

– Извините, сэр Арчибальд, – сказал вице-президент и потянул с полки толстый том, содержащий рукописные формуляры всех клубменов, начиная с самого первого.

Вот, всё верно, под номером, совпадающим с номером карточки, значится сэр Арчибальд Боулнойз. Год рождения – тысяча восемьсот восьмидесятый, принят в действительные члены по баллотировке в тысяча девятьсот двадцатом. Скончался в тысяча девятьсот шестьдесят девятом.

– И где же вы, почтенный сэр, находились последнее время? – мягко осведомился Одли. – Теперь я вспомнил, мы с вами встречались несколько раз. Но вы тогда посещали клуб крайне редко по причине преклонного возраста, а я, наоборот, вёл слишком активный образ жизни и тоже не слишком часто появлялся в Лондоне...

О том, что он и на похоронах сэра Арчибальда присутствовал, вице-президент из деликатности умолчал. Не самый важный эпизод. Как-нибудь позже к этой теме можно будет вернуться.

– Должен заметить, что сейчас вы выглядите гораздо... свежее.

Гость поблагодарил за комплимент, взял сигару из радушно подвинутой к нему коробки.

– Ничего удивительного, сейчас мне приблизительно пятьдесят лет, и чувствую я себя превосходно. Но давайте по порядку, иначе у нас ничего не получится.

В течение ближайшего получаса сэр Арчибальд сообщил Одли, что практически одинаковых «Хантер-клубов» существует как минимум три. Настоящий согласимся считать *пока* единственно подлинным, раз они сейчас тут находятся и беседуют. С этим не поспоришь.

Но ведь и тот, где сэр Арчибальд получил своё удостоверение, в смутное время окончания Мировой войны и попытки установить новый, приемлемый для Грейт Бритн порядок непременно имел своё место в истории.

И ещё один – находящийся как раз посередине между ними – тоже со счетов не сбросишь. Притом что местопребывание клуба оставалось тем же самым, да и больше половины его членов совпадали документально и физически.

Голова у мистера Одли слегка поплыла, но не настолько, чтобы он потерял возможность рассуждать в пределах своей должности.

– Итак, я понял, сэр Арчибальд, – сказал вице-президент, щедро наливая себе и гостю шотландского виски. Если мозги и так едут, чего стесняться? Вдруг хоть чуть поможет. – Вы, пользуясь правами клубмена, пришли ко мне через сорок лет после своей смерти. Я не ошибся?

– Само собой, нет, почтеннейший сэр. Только это вас не должно пугать. Я не призрак, не посланец «князя Тьмы». Я просто попытался вести себя в соответствии с нашим Уставом. Вы, вступая в клуб, не выразили протеста или хотя бы удивления по поводу присутствия покойников в качестве «действительных членов»?

– Нет, – согласился Одли, на самом деле плохо понимая, что происходит, и сделал *очень* большой глоток.

– Совершенно правильно поступили. Диссиденты у нас никогда не приветствовались. Любое сомнение толкуется не в пользу баллотлируемого, не так ли?

– Не смею спорить. На том клуб стоит и стоять будет.

– Вот мы и подошли к сути. Никто из нас, покинув бранный мир, не умирает насовсем. В христианской традиции подразумевается, что «жизнь вечная» где-то там, в райских кушах или кругах ада. На самом деле всё выглядит проще и одновременно сложнее, как учит философия. В течение множества веков, промчавшихся до изобретения пароходов, трансокеанского телеграфа, а потом и аэропланов, человек, отправившийся в дальнее плавание, подобно Колумбу, Магеллану и многим другим, не вернувшись в срок, становился для родных и близких таким

же покойником, как и те, что зарыты в землю на ближайшем кладбище с соблюдением положенных обрядов.

– Не могу возразить, – кивнул Одли, вопреки привычке сделав сразу два глотка, ненамного меньше первого. Гость тут же подлил ему ещё, до прежней отметки на стакане.

– Но при этом вышеозначенные лица вполне могли отнюдь не сгинуть в океанской пучине, а высадиться на райском острове и прожить там долгую и счастливую жизнь, намного лучшую, чем, скажем, в унылой, раздираемой религиозными войнами и вымирающей от чумы Европе. Согласны?

– Ни малейших сомнений, сэр. – Вице-президент начал находить в словах Боулнойза проблески истины, обещающие превратиться в настоящее зарево, сметающее тьму заблуждений.

– Теперь осталось вообразить, что поселенцы «райского острова» между делом построили реактивный самолёт и прилетели навестить друзей. Как по-вашему – сходится?

– В шестнадцатый век? – удивился Одли.

– Да какая вам разница? – ещё более удивился сэр Арчибальд. – В шестнадцатый, в двадцать первый... Я материален? – Он протянул руку, чтобы собеседник мог её потрогать. – Моя членская карточка в порядке? Если нет, давайте вынесем вопрос о правомочности моей персоны на общее собрание действительных членов. И мне бы очень хотелось посмотреть, – с саркастической улыбкой произнёс он, – какие доводы смогут пересилить основополагающие пункты нашего Устава.

– О чём вы говорите, достопочтенный сэр! – воздел руки Одли. – Никто о подобном и помыслить не в состоянии. Только мне хотелось бы узнать – чем вызван ваш сегодняшний визит. Едва ли только желанием просмотреть последние выпуски «охотничьего бюллетеня» и удостовериться в квалификации нынешнего поколения поваров...

– Тут вы полностью правы. Я бы хотел ближе к ужину встретиться с директором и Советом клуба. Общее собрание – неработоспособный орган. Вы уж не считите за труд потревожить названных мной особ, а я буду ждать в курительном салоне. Здесь сейчас есть кто-нибудь из настоящих стрелков?

– Да вот как раз собираются обедать Гамильтон-Рэй старший, он, кстати, член Совета, с ним два его сына и три внука. Внуки ещё молоды, самому старшему двадцать один, но впоследствии...

– Старина Гамильтон-Рэй! – воскликнул сэр Арчибальд. – Его ведь звали как-то так... А! Джеймс Авраам! Когда ему тоже было двадцать с чем-то лет, как его внукам, я учил его одному хитрому приёму брать упреждение при стрельбе по бекасам. К сожалению, я вскоре умер, не имел возможности убедиться в плодотворности своих уроков.

– Я думаю, сэр, он будет рад видеть вас за своим столом, – со странной интонацией сказал Одли.

Сэру Джеймсу Гамильтон-Рэю было уже прилично за семьдесят, но выглядел он удивительно бодро для своего возраста, настоящий викторианский джентльмен, хоть портрет лорда Джона Рокстона⁶ в старости с него пиши. И сыновья были на него похожи, и даже внуки. Их имена сэр Арчибальд запоминать не стал, за ненадобностью.

Самое удивительное, что и старина Джеймс сразу узнал ветерана. Хладнокровием он не уступал майору Мак-Набсу⁷. Да и в самом деле – как реагировать настоящему «хантеру» на появление человека, считавшегося давно умершим? Не под стол же лезть, отмахиваясь крестным знаменем, или вообще обратиться в бегство под изумлёнными взглядами потомков.

⁶ См. А. Конан-Дойль «Затерянный мир» и другие повести.

⁷ См. Ж. Верн «Дети капитана Гранта».

«Чёрная пантера из Ширванапали» была пострашнее, особенно когда в руках у тебя винтовка жалкого калибра «ноль двадцать два»⁸. Хорошо хоть «лонг», а не «курц».

– Давненько вас не видно было, сэр, – сказал Гамильтон-Рэй, дождавшись, пока лакей примет заказ у Арчибальда. – Как всегда, виски?

– И именно ирландский. Вы же не изменили своим вкусам?

– Как можно, – чопорно поджал губы тот. – Сто сорок лет Гамильтон-Рэй выписывают продукт с одной и той же фермы. Вы не забыли его вкус?

Арчибальд посмаковал, прищёлкнул языком:

– Нет, не забыл. Он тот же самый, что прежде. Признаться, я по нему иногда скучал.

– Там невозможно даже выпить хорошего виски? – явно представления сэра Джеймса о загробном мире были чересчур оптимистичны. Это его слегка опечалило.

– Нет, что вы! Проблем никаких, просто в вашем обществе, из вашего личного графина – совсем другое дело, чем походя, в случайной забегаловке...

Сыновья и внуки, ничего не понимая, слушали тем не менее с почтительным интересом. Им приходилось, штудировав сотни подшивок ежеквартального «Бюллетеня» (без знания которого не стоит и надеяться на членство в клубе), встречать фамилию Боулнойза, даже собственноручно написанные им отчёты и заметки. Отец и дед тоже упоминал о своей дружбе с этим достойным человеком.

Правда, молодые люди, воспитанные в конце прошлого и начале нынешнего века, воспринимали положение о «вечно живых» клубменах не иначе как чисто риторическую фигуру, вроде постулата о «непорочном зачатии» или «непогрешимости Римского папы, наместника Бога на Земле». И вдруг увидели одного из них воочию.

Арчибальд и Джеймс тем временем пустились в пространные рассуждения именно на эту тему. Гамильтон-Рэй, несмотря на крепкое здоровье, сам возраст подталкивал проявить интерес к своей грядущей судьбе. В частности – является ли членство именно в «Хантер-клубе» непременным условием и особой прерогативой, или «яхтсмены» и «жокеи» тоже вправе претендовать на загробное существование с использованием прежнего тела? Пусть в качестве парадно-выходного облачения.

Арчибальд объяснил, что, насколько ему известно, такие понятия, как «существование» и «несуществование», достаточно условны. В каждом конкретном случае они должны рассматриваться как совокупность весьма рациональных и глубоко мистических элементов. В силу исторически сложившихся условий большинство основоположников клуба значительную часть жизни провели в индийских, а не каких-нибудь других колониях Империи, где и прикоснулись к совершенно определённым сферам эзотерики. К моменту принятия положения о «вечном членстве» (сороковые – пятидесятые годы XIX века, ещё до Сипайского восстания, весьма осложнившего отношения «честных охотников» с йогами, магараджами и даже махатмами) большинство клубменов отчётливо представляли, что под этим термином подразумевается. Знали способы переходов из обычного тела в «тонкое» и «эфирное», имели представление о «нирване» в буддистском и джайнистском смыслах и вполне допускали возможность собственных реинкарнаций, в том числе с сохранением исходного облика и нужного объема личной памяти.

Потом – да, несмотря на обилие в архивах клуба «пыльных хартий», содержащих почти всю нужную теоретическую информацию, истинное знание постепенно превратилось в «догматическую шелуху»: непонятный большинству анахронизм вроде *левостороннего движения*. Однако ведь именно левостороннее движение по дорогам средневековой Европы было практически оправдано: правая рука обращена к встречному, а меч и копьё поворачиваются туда

⁸ 5,6 мм.

автоматически, без затруднений. Попробуйте наоборот рубить и колоть, через шею и туловище собственного коня!

– Я, был момент, *ушёл от вас*, под воздействием непреодолимой, но благожелательной силы. Это не совсем приятно в *общепринятых* понятиях. Но привыкаешь легко. Вы, молодой человек, – обратился он к старшему из сыновей Джеймса (его звали Айвори⁹, хорошее имя для «хантера»), – в армии служили?

– Так точно, сэр Арчибальд, начинал энсином¹⁰, да и сейчас...

– Быстро привыкли?

– За год привык.

– Вот и я примерно так же. Зато теперь – удивительное чувство свободы. Как если бы вас, Айвори, назначили командиром парусного капера в океан при отсутствии радиосвязи.

– Интересно было бы, – сказал младший брат, Льюис, сорокадвухлетний, примерно, мужчина с лицом скорее бизнесмена, чем бесшабашного охотника. А старший выглядел именно таковым. Отчего и казался гораздо симпатичнее.

– У вас всё впереди, – крайне благожелательно пообещал Арчибальд.

Невзирая на предостерегающий взгляд отца, Айвори продолжал:

– Вы умерли? Сорок лет назад? Вам сейчас должно быть примерно сто двадцать?

– Смотря как считать. В посмертии время утрачивает свою линейность. – Арчибальд достал из нагрудного кармана пиджака очень длинную и очень дорогую сигару. Раскуривал её преувеличенно долго, заставляя окружающих молчать, наблюдая за плавными движениями длинной фосфорной спички, из тех, что перестали выпускаться сразу после Мировой войны.

– Но если вас что-то смущает, я попрошу – встаньте, подойдите к вон тем шкафам в углу, достаньте первый попавшийся том.

Мужчина посмотрел на отца, тот едва заметно опустил подбородок. Этого было достаточно.

Айвори принёс книгу, точнее – подшивку рукописных текстов. На белой, голубоватой, жёлтой бумаге. Тряпчатой, тростниковой, рисовой и даже на новомодной по тем временам типографской из дерева. Она как раз сохранилась хуже всего.

– Откройте на любой странице, – предложил Арчибальд. – Читайте вслух...

«...Ранним утром тринадцатого февраля восемьсот тридцать седьмого года мы выехали из Джайпура. Вдалеке, в густой туманной дымке виднелась гора с отвесными склонами, на вершине которой помещался дворец магараджи Амбер. У её подножия ждали боевые слоны, единственно способные доставить нас к воротам. Признаюсь – это очень неприятное ощущение, когда твои ноги свешиваются над бездонной пропастью, а слон движется таким непривычным, дёрганным шагом, что кажется – в любой момент подпруги седла могут лопнуть, и ты полетишь туда, откуда нет возврата. Мы с сэром Генри несколько раз прикладывались к нашим флягам и в конце концов благополучно достигли окованных толстыми железными полосами ворот. Там нас встретили...»

Читал Айвори хорошо, глубоким голосом и с выражением, пытаюсь воспроизвести интонации очень давно умершего человека.

– Достаточно, я думаю, – сказал Арчибальд. И обратился не к отцу, не к сыновьям, а непосредственно к внукам:

– Вы что-нибудь поняли?

⁹ Айвори – слоновая кость (игральная тоже).

¹⁰ Энсин – нечто вроде старшего гардемарина Российского флота.

– Да, – ответил, кажется, самый младший. – Сейчас мы несколько минут слышали голос, воспринимали чувства *живого* человека. Он говорил нам – «я», «мы», и *мы* видели то же, что он сто семьдесят лет назад. Он был жив только что...

– Как и я, – сказал Арчибальд, снова беря в руки стакан виски.

Никуда не спеша, почтенный охотник приступил к рассказу. Заинтересованные слушатели, удивительным образом немедленно забывшие о своих сомнениях и о том, сколь рациональный век царит за окнами обеденного зала, внимали ему. Внимали так, как было раз и навсегда принято в этих стенах ещё до открытия водопада Виктория и истоков Нила. Никто за мелькнувшие и рассеявшиеся, как пороховой дым «нитроэксpressa», десятилетия не позволил себе не то чтобы вслух, даже внутренне усомниться в достоверности изложенных коллегами фактов, случаев, обстоятельств, приёмов. Это влекло немедленное и скандальное исключение, с изъятием клубного галстука, а главное – перстня, с перекрещенными на алмазной плакетке золотыми ружьями. И то и другое – из «копей царя Соломона», никак иначе.

И опять, как пресловутое «левостороннее движение», это жёсткое до беспощадности правило (ибо исключённый из клуба терял свой социальный статус так же безусловно, как Оскар Уайльд, посаженный в тюрьму за гомосексуализм) имело практический смысл. Настоящий «хантер» должен верить товарищу беззаветно. Пусть он что-то преувеличит в рассказе о длине убитого крокодила, но уж никогда не соврёт, описывая методику сбережения капсулей для шутицы в дождевых лесах Итури или изображая на собственноручном чертеже единственную убойную точку в голове белого носорога.

Сэр Арчибальд объяснил суть взаимоотношения трёх параллельных миров, в которых существовал клуб, а главное то, что, пользуясь известными эзотерическими методиками, каждый из «действительных членов» умирает лишь в одном из них, в крайнем случае – в двух. Имея возможность сохранять самоидентификацию (не всегда совпадающую с телесной, но духовную – обязательно). Самое же главное, помимо того что выражение насчёт «страны удачной охоты» приобретает буквальный смысл (нет никаких препятствий для посещения «позднего мезозоя» или «раннего кайнозоя» хоть с рогатиной, хоть с «ПЗРК»), настоящий клубмен не забывает об *основном смысле* своей жизни.

При упоминании о нём, о смысле, и Джеймс, и его сыновья слегка напряглись, будь они российскими гвардейцами, непременно встали бы и звякнули шпорами. Но и так всё было понятно.

Однако Арчибальд продолжил, не считая, что *намёка* достаточно.

– Одной из главнейших целей существования клуба является борьба с Россией. Желательно, конечно, чужими руками. Нет больше в мире силы, способной противостоять британским устремлениям. Со времён Ивана Грозного, потом от Петра и до Николая II Великобритания все свои *действительные* усилия направляла на противостояние этой варварской державе!

– Простите меня, достопочтенный сэр, – позволил себе вмешаться один из внуков. – Мне кажется, что последние пятьдесят лет не Россия, давно утратившая свой агрессивный потенциал, а Соединённые Штаты всемерно нас унижают. Мы знаем, что сегодня американцы на почти подсознательном уровне считают нас не более чем своим доминионом с рудиментами былого величия. Нас, молодое поколение, это раздражает гораздо сильнее, чем монархические эксперименты так называемого Местоблюстителя. Да и потом...

– Оставьте, молодой человек, свой *идеализм*. Когда придёт время, США, нация выскочек и парвеню, снова склонится перед британским *вызовом*. Мы – творцы смыслов и демиурги истории. Американцы – тьфу! – Он сделал жест, будто сдувая пушинку с ладони.

– А вот Россия – вечный враг. Даже когда она будто бы не делает ничего, она угрожает нам больше, чем американцы, китайцы и «Чёрный интернационал», вместе взятые. Наше совместное существование на этой Земле невозможно без окончательного решения вопроса о глобальном первенстве.

– Да как же? – удивился юноша, явно хорошо знающий историю и сопряжённые с ней науки да вдобавок старающийся мыслить с позиций объективизма. – Если как следует разобраться, действительно вреда Россия Британии никогда и не наносила. За исключением совсем, по нынешним меркам, незначительных трений по ближневосточным и среднеазиатским вопросам. А уж тем более с тех пор, как все мы, равноправные члены ТАОС, сплотившиеся перед лицом общей для всех угрозы, общими силами защищаем «свободный мир». И русские штурмовые бригады – в первых рядах, от Англо-Египетского Судана до джунглей Бирмы.

Старый Гамильтон-Рэй смотрел на внука неодобрительно. Не стоит в этих стенах произносить такие слова. Особенно – в складывающихся обстоятельствах. Что-то ведь значит внезапное появление сэра Арчибалда? Без участия высших сил дело явно не обошлось, и, значит, они или сочувствуют его позиции, или он вообще вещает с их голоса.

А если эта молодёжь, нахватавшаяся «прогрессивных идей», не научится сдерживать свои языки, не быть им членами клуба, он сам проголосует «против». Позор для семьи, конечно, но «твёрдость основ» важнее.

Сомнения сэра Джеймса нашли своё подтверждение ближе к вечеру, когда собрались члены правления и Совета клуба, оказавшиеся в пределах досягаемости.

Достопочтенным джентльменам, столь же подчинённым идеям позитивизма и «научного знания», тоже потребовалось время, чтобы вдуматься в очевидную дилемму. Кое у кого возникли веские сомнения – а не является ли назвавшийся Боулнойзом господин обыкновенным мошенником, избравшим столь нетривиальный способ с неясной пока целью внедриться в их закрытое от чересчур суетного мира сообщество.

Гораздо ведь проще предположить такое, нежели всерьёз поверить... И принцип Оккама никто не отменял. На том стояла и стоит Британия: «Простейшее объяснение – наилучшее».

Хорошо, что среди «хантеров» имелось достаточно людей, остротой ума, способностями к дедуктивному¹¹ и индуктивному¹² мышлению не уступающих Шерлоку Холмсу, патеру Брауну и иным светилам криминалистической логики. Иначе бы они не могли исполнять своей исторической функции, далеко выходящей за пределы собственно охоты на протяжении столетий. В конце концов, первым прототипом «Хантер-клуба» был «Круглый стол» короля Артура¹³.

Так, господин Одли, немедленно после того, как проводил гостя обедать, вызвал к себе начальника службы безопасности клуба и предложил ему немедленно провести дактилоскопическую экспертизу отпечатков, оставленных воскресшим «Боулнойзом» на стакане, и сличить их с имеющимися в его личном формуляре.

Процедура поголовного дактилоскопирования членов была введена сразу же после того, как этот метод был признан научным и достоверным. Причём отпечатки делались пальцев не только рук, но и ног. По роду своих занятий джентльмены иногда попадали в такие ситуации, что только крепкие сапоги или ботинки сохраняли пригодный для идентификации материал: лев запахом крепкой ваксы побрезговал, или верные кафры выдернули остатки саиба из пасти крокодила в мутной речке Лимпопо. Всякое случалось.

К большому удивлению вице-президента, дактилокарты совпали полностью, удостоверив личность старого джентльмена. Конечно, при желании можно было выдвинуть следующую

¹¹ Дедукция – цепь умозаключений, звенья которой связаны отношениями логического следования. Началом (посылками) дедукции являются аксиомы, постулаты или просто гипотезы («общее»), а концом – следствия из посылок («частное»). Если посылки истинны, то истинны и выводы.

¹² Индукция – умозаключение от отдельных фактов к некоторой гипотезе (общему утверждению). Различают *полную* индукцию, когда обобщение относится к конечнообозримой области фактов, и *неполную*, относящуюся к бесконечно- и конечно-необозримой областям.

¹³ См. М. Твен «Янки при дворе короля Артура».

гипотезу, предположив, что предварительно был подменён сам формуляр, но тогда проблема начинала уходить в «дурную бесконечность»¹⁴.

Пришлось бы заподозрить (а в чём, собственно?) несколько десятков высокопоставленных господ, имевших доступ к конфиденциальным документам клуба за последние четыре как минимум десятилетия... Во-первых, это выглядело слишком скандально, а во-вторых – невозможно представить цель, оправдывающую столь экстравагантные средства.

Одним словом, самым узким кругом руководства было решено счесть сэра Арчибальда вновь реально существующим, полноправным членом и в качестве такового – выслушать его со всем вниманием.

Означенный сэр в третий раз повторил, что хотя и действительно «скончался» в здешней реальности, но продолжил своё существование в двух других, подобных, но «не вполне конгруэнтных». Что в принципе относится и ко всем прочим почившим клубменам. Просто у них пока ещё не возникало необходимости, а также и желания «вернуться» именно сюда, а у него она появилась.

– И где же пребывают в настоящий момент наши дорогие друзья и коллеги? – спросил герцог Честерский, более всего, судя по его взгляду и тону, заинтересованный именно этим.

– В тот «настоящий момент», что вы невольно подразумеваете, их бранные останки покоятся в родовых склепах или должным образом оформленных могилах. В любой из других «возможных моментов» они вольны заниматься всем, чем считают нужным. Я, например, в реальности номер три (по моему счёту) проживаю в Бомбее, в собственном поместье, и в свободное время, приезжая в Лондон, по мере сил способствую приходу к власти в Германии национал-социалистов во главе с неким Гитлером в надежде, что через какое-то время он вступит в союз с российскими коммунистами и они вместе уничтожат уродливое геополитическое образование – Югослоссию, возникшее на обломках Российской империи и сумевшее так захватить Константинополь и Проливы.

По залу прошёл возмущённо-недоумённый гул.

– Спокойно, коллеги, я ещё не закончил. В *третьей реальности* я проживаю в тысяча девятьсот двадцать пятом году, и там мне, как и положено, – сорок пять лет. В некоторых случаях я перемещаюсь в конец девяностых годов двадцатого века *реальности номер один*, где продолжаю борьбу за окончательное сокрушение остатков России, семь десятилетий существовавшей под псевдонимом СССР. В этой реальности мы добились наибольших успехов, отбросив извечного врага к границам почти что семнадцатого века. Теперь я прибыл к вам, чтобы и здесь добиться сопоставимых результатов. Час настал, и в руках у нас имеются и силы, и оружие, а главное – могучие союзники.

На этот раз реакция присутствующих была оживлённо-одобрительная.

– Скажите, сэр Арчибальд, а там, где вы бываете, наш клуб также существует? – прозвучал волнующий всех вопрос.

– Несомненно! Я ведь с этого и начал наше собеседование. Клуб существует, кое-где он более силен и могуч, чем здесь. И многих из вас я встречал там совсем недавно... Они вас приветствуют, передают наилучшие пожелания и надеются на скорую встречу.

Прозвучало довольно двусмысленно, но в общей эйфории этого почти никто не заметил. Британцы в определённых обстоятельствах умеют поддаваться эмоциям не хуже каких-нибудь итальянцев.

А сейчас ведь случилось нечто совершенно невероятное. Христос и предыдущие боги тоже обещали людям «жизнь вечную», но в довольно абстрактной, а главное – не поддающейся проверке форме. Сейчас же уважаемый и некоторым из присутствующих лично знако-

¹⁴ Философско-математический термин, объяснять который простыми словами пришлось бы слишком долго. См. С. Лем «Сумма технологий».

мый джентльмен явился, чтобы засвидетельствовать возможности личного бессмертия, причём в наиболее приемлемом варианте – с сохранением и физического облика, и памяти. Самое главное – эмоционального настроения тоже.

– А доказательство, сэр, хоть какое-нибудь доказательство! – поднял руку герцог Честерский. – Если вы недавно виделись со мной, не сказал ли я что-нибудь такого, чтобы вы могли окончательно рассеять мои... Нет, не сомнения – я никогда бы не позволил себе сомневаться в слове старшего товарища. Просто нечто вроде пароля, чтобы окончательно убедиться, что вы – это вы, я – это я, и в потусторонних мирах с нами не происходит никаких изменений личности и аберрации памяти.

Боулнойз рассмеялся. Одновременно добродушно и язвительно.

– Вы удивительно проницательны, Рамфорд. – Он назвал герцога по имени. – Безусловно, мы обсуждали возможность подобного вопроса. Там, то есть здесь же, вы занимаете свой пожизненный пост, и я специально озабочился переговорить, отправляясь сюда, именно с вами. Чуть позже вы поймёте, почему именно. Извините, господа, никому больше я никаких известий не доставил. Я всё-таки не почтальон, – с хитровато-огорчённым видом он развёл руками.

– А себе, Рамфорд, вы просили передать, что известная реликвия вашего рода нашлась. И если вы не производили последние тридцать пять лет перестановок в вашей фамильной библиотеке, она находится во втором зале, на пятой полке восьмого стеллажа. Между страницами первого полного издания Даниэля Дефо¹⁵.

– Благодарю вас, Арчибальд, – внезапно задрожавшими губами ответил герцог. Очевидно, известие это было столь для него важно, что ничто другое его сейчас больше не интересовало.

– Извините, джентльмены, я вас покину на несколько минут, – сказал вице-президент и быстро вышел. Наверняка к телефону, звонить жене или дворецкому. Что это за реликвия, никто из присутствующих никогда не слышал, но, поскольку род герцога восходил к временам Вильгельма Первого, в крайнем случае – Второго, она могла быть чем угодно, вплоть до карты с обозначением местонахождения Чаши Святого Грааля. Сама Чаша между страницами книги просто не поместилась бы.

Пока Честер отсутствовал, Арчибальд объяснил присутствующим, для чего вообще приходится периодически умирать в одной из реальностей.

– Вообразите, как выглядел бы в глазах общества наш клуб, если бы столетние члены продолжали считаться юнцами. Никакие войны и никакие самые отчаянные охоты не обеспечили бы нормального демографического баланса. А так ротация происходит естественным образом. Я, например, решил вернуться и снова пожить здесь. Поскольку наши формуляры не являются открытыми для прессы, равно как и для полиции и прочих организаций, моё регулярное появление в клубе абсолютно никого не заинтересует. Просто нет в Лондоне людей, способных сопоставить достаточно бодрого мужчину зрелого возраста с умершим сорок лет назад девяностолетним старцем.

Будучи действительными членами клуба, так же в своё время поступите и вы. Если я сочту нужным открыть вам этот способ. – Голос Арчибальда прозвучал обнадеживающе и угрожающе одновременно. Каждый из услышавших его отреагировал по-своему.

Но «общим» ответом ему были сдержанные аплодисменты. По команде Одли лакеи обнесли всех шампанским. Виски в графинах и так стоял на столах.

Вернувшийся герцог производил впечатление не просто избавившегося от сомнений человека. Он выглядел так, словно только что получил из рук короля «Орден подвязки». Арчибальд мог теперь не сомневаться, что при голосовании по любому вопросу вице-президент

¹⁵ Дефо, Даниэль (1660–1731) – английский писатель, известный большинству читателей по «Робинзону Крузо», хотя написал и ещё кое-что. Заодно кадровый разведчик (а возможно, и контрразведчик).

будет на его стороне. А в отсутствие настоящего президента (этот пост был вакантным уже восемнадцать лет по причине неспособности джентльменов «демократическим путём» договориться об устраивающей всех кандидатуре) у «вице» голосов было два.

Когда Боулноиз вышел в туалетную комнату (физиология у него была вполне человеческой или выглядела очень правдоподобно), герцог догнал его, точнее – последовал за ним.

Подождал, пока тот вышел из кабинки, помыл руки и причёсался, протянул сигару. Если у Одли виски был с фамильного заводика, то у Честера – сигары с плантаций в Британской Гвиане, где девушки-самба¹⁶ скручивают их, без всякой техники, на своих пышных, лоснящихся под тропическим солнцем бёдрах. Из нигде больше в мире не произрастающих табаков.

– Давайте без церемоний, Арчибальд.

– Конечно, Рамфорд, – старый охотник раскуривал сигару, может быть, слишком долго, но получил всё предполагаемое процессом наслаждение. – Конечно, без церемоний. К чему они теперь?

– Я убедился: то, о чём вы говорили, оказалось именно там, где вы сказали...

– Меня не интересует, что именно...

– Понимаю. Вы и так можете узнать всё, что угодно.

– Я бы так не сказал, – осторожно ответил Арчибальд. – Абсолютного знания не существует, как и абсолютной истины. Следовательно...

– Да оставьте вы ваши парадоксы. Я прочитал «Портрет Дориана Грея» пятьдесят лет назад и помню наизусть все высказывания сэра Генри. То, что я получил с вашей помощью, позволяет мне сегодня же подать прошение об отставке, забыть все наши «якобы важные дела» и погрузиться совсем в другие аспекты бытия. Вы именно этого хотели? Чтобы я подал в отставку и оставил вакансию для ВАС? За ВАС проголосуют сто процентов Совета. – Сделал короткую паузу, длиной в затяжку, и, как бы между прочим, добавил: – Сегодня!

– Какая чепуха! – с эмоциональным напором ответил Арчибальд. – Я хочу совсем противоположного! Чтобы сегодня мы заполнили вакансию и избрали ВАС Председателем Совета и Президентом Клуба. В одном лице! И это тоже пройдёт, вы согласны?

– Да, – снова пыхнул сигарой герцог. – Сегодня. Но зачем это ВАМ? – он опять выделил местоимение тоном.

– Война, дорогой Честер, переходит в новую стадию. Я имею в виду нашу вечную войну с Россией. В одной реальности мы почти всё проиграли, в другой – многое выиграли. Остаётся третья попытка – здесь. Знаете, как на прежних турнирах. С боевым оружием. Король Генрих поймал острие копья щелью забрала, и история Англии стала другой. Черчилль заключил союз с дьяволом – Сталиным, спас Британию, но проиграл Империю. У нас выбора не осталось. Или клуб всеми силами станет работать на «последний бой», и тогда у нас есть шанс сокрушить Россию сейчас, пока слабый премьер Каверзнев не руководит ничем, а их парламент – Дума – пребывает в полном разброде. Или к власти придёт новый Пётр, а того больше – Сталин в лице царя Олега! Тогда наши перспективы станут очень туманными... Как весь наш Альбион.

– А кто такой Сталин? – спросил герцог.

¹⁶ Самба – метисы от браков африканских рабов с южноамериканскими индейцами. В разных сочетаниях на протяжении десятка поколений получают весьма интересные подвиды.

Глава вторая

Олег Константинович, вживаясь в должность Самодержца, старался руководствоваться стилем и обычаями своих державных предков. Давно уже стало ясно, что так называемые «демократические нормы» работать перестают не только в его стране, но и во всём мире. А если брать за образец поведения прапрадедов, начиная с Николая I (остальные слишком далеки психологически), то всё будет гораздо проще, отчётливее и осмысленнее...

После хорошо прошедшего обеда Государь был в настроении, успев посоветоваться час-полтора с генералами армии и гвардии по неотложным вопросам. А в середине ужина, проходившего «по-походному», в специальной беседке на самой окраине Берендеевки, Олег Константинович крайне деликатно намекнул Сильвии, положив ей ладонь на предплечье, что не против затронуть кое-какие вопросы внешней политики наедине с госпожой Берестиной. Мол, врангелевская Россия его в данный момент интересует куда больше, чем «соседняя» РФ. И есть темы, не нуждающиеся при обсуждении в посторонних ушах.

Император удивился, получив слишком прямой и недвусмысленный ответ.

– Вы, наверное, несколько неправильно меня поняли, Ваше Величество, – мягко ответила Сильвия, убирая его руку со своей. – То, что было между нами, никак не может рассматриваться в качестве «прецедента». Экссесс – не более, хотя и весьма приятный. Простыми словами: я *пока что* не собираюсь становиться вашей штатной фавориткой. Эта роль несовместима с моими убеждениями и, более того, с миссией, на меня возложенной. Подумайте сами...

Император подумал, с трудом беря себя в руки. Он-то настроился как раз на стилистику предыдущего «экссесса», тщательно подкорректированного воображением. Однако, как государственный деятель, не мог не согласиться с тем, что дама права. Что же это такое начнётся, если «чрезвычайные и полномочные» послы начнут спать с главами «государств аккредитации»? Безобразие, и никак иначе.

Он представил себе подобное и едва не рассмеялся. Вожделение, вызванное столь ярко отложившимися в памяти анатомическими и прочими достоинствами женщины-посла, прошло, как ничего и не было.

Всё правильно. Всё сказанное его недавней партнёршей совершенно правильно. Он просто на короткое время потерял голову. Бывает, с кем не случалось? Быть молодцу не в укор. Значит – быть по сему. Приключение, о котором не раз приятно будет вспомнить, состоялось, и хватит об этом.

– Ценю вашу прямоту и откровенность, – сказал Олег, приглашая Сильвию присесть в кресло перед круглым столиком на террасе. Время было позднее, парк вокруг императорского терема опустел, только слышалось похрустывание кирпичной крошки под сапогами дворцовых гренадеров, патрулирующих окрестную территорию, да едва доносились от охотничьего домика голоса офицеров, по традиции продолжавших вечер после того, как Император удалился, пожелав остающимся более не стесняться, но и не забывать о завтрашней службе.

Обтянутые серебристыми чулками колени агтрианки отсвечивали под луной, и Император поглядывал на них, как юнкер, ещё не успевший понять, что женские ноги отнюдь не безусловный источник соблазна, а лишь намёк на него в определённых обстоятельствах.

– Вы необыкновенно красивая и умная женщина, – сказал он, с усилием отводя глаза, – мне даже кажется, что из вас получилась бы императрица. Не в том смысле, что вы наверняка подумали, а самовластительница не хуже Екатерины Великой...

– Это вы зря, – легко улыбнулась Сильвия. – Подобная роль меня никогда не прельщала. Как раз в качестве жены и верной подруги сильного правителя я могла бы состояться. Но это – не наш с вами случай, – закончила она фразу вполне жёстко, пресекая всякие попытки Олега развить тему. – Вы моего мужа видели. Зачем мне другой?

...Император вспомнил, как в атакуемой штурмовыми отрядами неизвестных врагов Берендеевке, этой самой, сейчас тихой и романтической, докуривал последнюю перед боем и смертью папиросу, следя за стрелкой секундомера. Как смотрел на него сидящий рядом верный, всё понимающий Красс. И, глядя в тревожные янтарные глаза, он потрепал пса по мохнатому чёрно-палевому загривку:

– Не дрейфь, Марк Лициний, вот-вот подойдут легионы Лукулла...

Но сам уже в такую удачу не верил.

И тут, когда прошло целых сорок пять секунд после назначенного времени, незнакомый поручик из дворцовых гренадеров закричал:

– Ваше Величество!

Олег Константинович раздражённо встал. Папироса не докурена, и сам он не совсем приготовился.

– Что тебе?

– К вам, Ваше Величество!

...По каменной дорожке шёл, твёрдо ударяя подкованными каблуками хороших, даже отличных сапог, абсолютно незнакомый генерал-лейтенант в старинной полевой форме с отличающим воронением шейным крестом. Высокого роста, но всё же пониже Олега, с лицом настолько независимым, что князю на мгновение стало даже тревожно. Хотя куда уж, если умирать в неравном бою собрался.

Руку к козырьку лихо смятой фуражки поднёс, но не совсем привычным образом, и правую ногу, звякнув шпорой, подтянул к левой как-то замедленно. Не так царям представляются.

– Здравия желаю, Олег Константинович. Без титулов обойдёмся. Не тот момент. Генерал-лейтенант Берестин для помощи и поддержки прибыл. Алексей Михайлович. – И протянул руку. Первый.

Великий князь крепко пожал протянутую руку. Если человек, по феодальным, скажем, временам, из своего удела пусть с малой дружиной, но на помощь пришёл, значит, друг он и брат, до смены политической обстановки.

– Искренне рад. Может быть, желаете шампанского с дороги? За благополучное прибытие, встречу и знакомство.

– Можно, – Берестин усмехнулся краем губ.

Камердинер дрожащими руками (тоже умирать собирался) разлил по бокалам голицынский брют.

– И чем же вы нам помочь можете, уважаемый Алексей Михайлович? – спросил Великий князь, делая глоток и закуривая очередную папиросу. За лесом громко стреляли танковые пушки, потрескивали ручные пулемёты и автоматы, изредка ударяли ручные гранатомёты. Уваров держал рубеж. Казачий заслон обещал продержаться ещё час. Потом не патроны – люди кончатся.

– На данный момент я располагаю ударной дивизией со средствами усиления, она может вступить в бой немедленно. Желаете полюбоваться?

Берестин достал из кармана кителя золотой портсигар, как раз по размеру, открыл, протянул Императору.

– Попробуйте, очень неплохие папиросы, «Корниловские» называются.

А сам повернул к губам внутреннюю крышку и почти беззвучно прошептал:

– К торжественному маршу, поротно...

Остальное известно¹⁷.

¹⁷ См. роман «Хлопок одной ладонью», т. 2.

– Да, всё так, Сильвия Артуровна, – сказал Олег, незаметно, как ему казалось, подливший в бокал шампанского для Сильвии грамм сто коньяку. Обычно дамы такого «коктейля» не ощущают, но по мозгам и эмоциям бьёт крепко. А он не оставлял надежды тем или иным способом продолжить с красавицей неформальное общение.

– Алексею Михайловичу я не соперник. Но в то же время... Мы ведь теперь не совсем чужие друг другу люди? – Олег посмотрел на неё вопросительно.

– О чём речь, Ваше Величество? – сказала Сильвия, отреагировав именно так, как молодая дама, принявшая полный бокал «Огней Москвы»¹⁸. – Настолько не чужие... Но я ведь на работе?

Тон был наивно-вопросительный.

– Конечно, конечно. Ваша миссия далеко не завершена. Тут ведь дел не на один месяц при самых удачных обстоятельствах...

– Вы совершенно правы, – начала изображать следующую стадию опьянения Сильвия. Взяла сигарету, с долей недоумения попыталась сообразить, с какой стороны у неё фильтр, попала правильно, прикурила.

– Вначале я думала ограничиться несколькими днями, после чего передать свои функции другому человеку, теперь – передумала.

– И в чём причина? – не скрывая интереса, спросил Олег. Может быть, ожидал пусть завуалированного, но комплимента в свой адрес.

– Увидела, что обстоятельства не благоприятствуют. Ваши люди, с которыми я познакомилась, за исключением флигель-адъютанта Ляхова и ещё двух-трёх, находятся *не на высоте* стоящей задачи.

– Вот это – поподробнее, пожалуйста. – Его слова Сильвии задели и как вождя, и как военного стратега. И неудивительно, притом что он видел, как женщину *ведёт*. Скоро не о высоких материях говорить придётся, а о совсем даже наоборот.

– Какие же вам нужны подробности? Вы помните положение, в котором оказались в этой самой резиденции, о чём думали и чего ждали, пока не появился вдруг генерал Берестин и полковник Басманов со своими бойцами?

О чём именно думал тогда Олег, она, естественно, не знала, но реконструкции его состояние вполне поддавалось.

– Если бы не Берестин с Басмановым, едва ли мы сейчас с вами разговаривали, – достала до самой больной точки Сильвия.

– Мои офицеры сражались великолепно, – из естественного чувства справедливости возразил Олег. – Вы сегодня видели и Ляхова, и Уварова, и Миллера... Отличные солдаты, готовые стоять до конца!

– Да кто же станет спорить, Ваше Величество? Они и в нашем мире, по нашим меркам – беззаветные герои. Только, снова простите, Олег, героизмы бывают разные. В том мире, которому мы собрались помогать, – героев бесконечно больше. Просто потому, что и войн там было – не в пример, и жестокость тех войн для вас почти непредставима. Я прямо сейчас могу кое-что показать, хоть документальное, хоть художественное. Ваши гвардейцы, во главе с Уваровым (я его тоже запомнила – не думайте), очень мне напоминают героев Брестской крепости. Защищали её до последней капли крови, упаси вас бог вообразить, как именно это выглядело, но тем не менее немцы всё равно дошли почти до Москвы, оставив развалины крепости в тылу. «Погибаю, но не сдаюсь! Прощай, Родина!» – прекрасный лозунг. Чисто в русском духе. То же самое мог бы воскликнуть и Уваров, и вы лично. Но за один удар часов до «урочного часа» или «третьего крика петуха» пришёл кто?

¹⁸ В 60-е годы в московских коктейль-холлах так назывался рецепт «коньяк/шампанское» 50 на 50.

– Подождите, – удивился Император. – Опять – Брест? У нас в Мировую войну был «бессменный часовой», простоявший на посту пятнадцать лет в подвалах крепости, а в том мире – тоже Брест, и снова...

– Ну, наверное, там располагается какая-то причинно-следственная аномалия, – пожалала плечами Сильвия. – Куда более мощные крепости, вроде Новогеоргиевска, ничем таким не прославились. Но я ведь говорила о другом: мужчины, солдаты из *соседнего* для вас мира, умеют воевать неизмеримо лучше. Славнейший из ваших героев вполне сравним с рядовым солдатом *оттуда*. Просто у них сейчас свои сложности, одной солдатской доблестью не решаемые, и теперь помочь им можете только вы!

Император решил больше не возражать даме, но – не совсем даме, как он начал ощущать.

– Хорошо. Я опять соглашаюсь. Вы умеете появляться неожиданно и неожиданным способом решать якобы *неразрешимые* проблемы. Но так ли это?

– Судите сами, Олег Константинович. Навязывать своё мнение неподготовленному человеку... С точки зрения Льва Толстого, «попытка убеждения» – это тоже насилие. Я, то есть мы, всё наше «Братство» и «Комитет защиты реальности» как его «действующий отряд», – всегда готовы отстраниться, устранить... Как вам угодно. Не было бы поздно. Сколько минут вам не хватило, чтобы геройски умереть на этой самой веранде? И сейчас, если бы она не сгорела от снарядов, на ней кто-то другой праздновал бы *свою* победу. Вам, мёртвому, это было бы безразлично, но как быть с оставшимися в живых?

Император был поставлен в тупик её очевидной софистикой. И возразить нечего, и молчать невозможно.

Ответил он единственно возможным, со своей точки зрения, образом:

– Скажите, Сильвия, оставив в стороне любые дипломатические ухищрения и даже «бытовую логику» – чего вы хотите? Нет, по сути я всё понял сразу. И отдал полковнику Ляхову в вашем присутствии необходимые распоряжения по операции «Мальтийский крест». Всё, что от него требуется, он сделает. Я хочу поговорить... с других позиций. Ибо отдать приказ – возможно, просто под влиянием эмоций – одно. Николай Второй тоже ввязался в Мировую войну, не имея никакой осмысленной цели, кроме как защиты «братушек-сербов» – не лучший пример для подражания. По крайней мере я, пока нахожусь при должности, ничего подобного совершать не собираюсь.

Сознательно же переложить «руль российской государственности» на девяносто градусов, сменить все приоритеты, всю геополитику, наконец – для этого нужны чисто логические доводы и очень точный расчёт – военный, финансовый, политический, психологический. Я должен мыслить государственно и на десять ходов опережая противника, или, скажем, более обще – партнёра.

Сильвия увидела, что при всех своих возможностях недооценила противника. Точнее сказать – кандидата в союзники, а «противник» – просто фигура речи. Противник в шахматах и преферансе на самом деле может быть лучшим другом «по жизни».

Олег, разумеется, человек весьма эмоциональный, в силу гормонального фона – падкий до женских прелестей, отчего и согласился, почти не задумавшись, на идею «Мальтийского креста». А «разрядившись» и начав думать – вновь превратился в прагматичного, жёсткого и очень умного политика.

Он продолжал:

– Со всей вашей военной и какой угодно силой – видел, убедился, вы обращаетесь ко мне. Почему? Что я могу сделать такого, на что не способны вы сами?

– Ну, давайте я объясню в деталях. Не в первый уже раз Россия находится в трудном положении. Как говорил один из министров Александру Третьему: «Ваше Величество, Россия стоит на краю пропасти». На что царь со свойственным ему чувством юмора ответил: «А когда она не стояла?» Сейчас у нас примерно тот же вариант. Разумеется, и на этот раз всё обяза-

тельно образуется тем или иным образом, и мир очень скоро снова будет поражён очередным экономическим и политическим «чудом». Другое дело – чего это в очередной раз будет стоить? Выход из Смутного времени при Михаиле Романове (первом и по имени, и по фамилии), петровские потрясения, наполеоновское нашествие, Крымская война и реформы Александра Второго, Японская война, Мировая, три революции... В параллельном мире ещё и пятилетняя Гражданская, коллективизация и индустриализация, двадцать лет локальных войн и грандиозная Великая Отечественная, потом Холодная. Наконец – крушение Советской власти и снова всяческие реформы. Страна, народ просто надорвались. И сколько времени займёт очередной подъём при нынешнем стечении обстоятельств – сказать невозможно. А врагов, внешних и внутренних, меньше не стало. Скорее – напротив. Вы видели карту нынешней России...

– Да, видел и был расстроен до глубины души, – согласился Олег.

– И вот именно сейчас у вас появился шанс стать величайшим из правителей Земли Русской, – в голосе Сильвии появился не свойственный ей, но вполне подходящий к случаю пафос. – Практически без каких-либо жертв вы мгновенно удваиваете свою территорию, получаете сто сорок миллионов новых подданных, причём не инородцев, не индусов, малайцев или зулусов, а своих соотечественников, с весьма высоким образовательным и интеллектуальным уровнем, во многом превосходящим таковой у большинства жителей вашей Империи.

Технический и научный потенциал *той* России тоже превосходит ваш... Невзирая на события последних двух десятилетий, которые, впрочем, тоже нельзя трактовать слишком уж однозначно.

– Так в чём же дело?

– Я ведь уже сказала. Народ надорвался под тяжестью почти невыносимых «свершений». Другой – просто прекратил бы своё существование в качестве самостоятельной, по-прежнему великой цивилизации. Где Британская, Германская, Оттоманская, Австро-Венгерская империи? А Россия живёт! Вы можете представить, чтобы Австрия, например, нашла в себе силы и вопреки всему осталась столь же влиятельным игроком на мировой шахматной доске, как и до четырнадцатого года? Я уверена, что нынешняя Российская Федерация очередным напряжением сил, очередной «всеобщей мобилизацией» в состоянии вернуть себе лидирующие позиции, но как бы это напряжение не стало последним, за которым наступит распад и хаос мирового масштаба.

Мы предлагаем произвести эффектную рокировку. Вместе с вами сделаем немислимое. Как на фронте неожиданно для противника заменяют измотанные боями и истощённые потерями дивизии на свежие, переброшенные из тыла, так и мы заменим утомлённый народ на свежий, а нынешний отведём на отдых и переформирование...

Император не сдержал удивлённого возгласа.

– Вот видите, Ваше Величество, – даже вы, скажем так, озадачены. То, что мы обсуждали в присутствии вашего флигель-адъютанта, – чистая правда. Но – не вся. Мои планы идут гораздо дальше...

– Ваши? Ваши личные, не организации? – уцепился за слово Олег.

– Да какая разница? – отмахнулась Сильвия. – Идея общая, но до сих пор никто не брался за то, чтобы должным образом её оформить. В нашем «Братстве» много людей, и у каждого есть свои приоритеты. Как в Академии наук. Одним интересно бабочек изучать, другим – синхрофазотроны строить. Кто-то сейчас занимается исследованиями воздействия на исторический процесс Англо-бурской войны, другие продолжают работать в той самой врангелевской Югороссии, и так далее. Один из наших сотрудников, коренной обитатель и уроженец нынешней РФ, о которой мы и говорим, решил самостоятельно решить все тамошние проблемы. Технических возможностей у него достаточно, но при ближайшем рассмотрении его планов мне показалось, что всё очень легко может скатиться сначала к ситуации эпохи народовольцев, а

потом и в самые глубины «инферно»¹⁹. Вот я и постаралась найти более изящное решение этой «шахматной задачи». Вы не увлекаетесь?

– Одно время – весьма увлекался, было дело – и в турнирах участвовал, в журналах публиковался.

– Тогда вы меня тем более понимаете. Вывести страну из довольно глубокого кризиса без новой крови, политических потрясений, да ещё и так, чтобы никто на очередных реформах ничего не потерял, все только выиграли – очень интересная задача. Вроде как мат в три хода конём и пешкой.

– На мой взгляд – едва ли осуществимая, – скептически усмехнулся Олег.

– Да неужели? А разве ваша идея восстановления самодержавия в XXI веке не казалась большинству политиков абсолютной утопией? И тем не менее – пока всё идёт хорошо.

– Вот именно – пока, – ответил Император. – На пути масса подводных камней и непременные потрясения, которых я жду с не самыми радужными настроениями. Например – надвигается война с Великобританией и, боюсь, не только с ней. На этом фоне затевать ещё и предложенное вами...

– Так в том и суть, Ваше Величество! – с весёлым энтузиазмом воскликнула Сильвия. – Вы привыкли играть в игры с нулевой суммой – сколько один проиграл, ровно столько другой выиграл. А я предлагаю совершенно другое. Выигрывают все, причём намного больше первоначальных ставок...

– Звучит заманчиво. Один вопрос – за чей счёт в конечном итоге? Поговорку про бесплатный сыр, надеюсь, знаете?

– Как не знать. Ответ: «За счёт того, кто покупает сыр для мышеловки», вас устроит?

– Нет, вы совершенно изумительная женщина! – от всей души развеселился Олег. Позволил в серебряный настольный колокольчик. Велел возникшему на пороге поручику подать ещё шампанского и всего прочего. Грешные мысли он окончательно оставил, но вот желание напоить гостью допьяна и посмотреть на неё в этом состоянии никуда не исчезло. Возможно, таким образом он надеялся компенсировать моментами возникавший при разговоре с нею дискомфорт. Если сказать резче – свою интеллектуальную недостаточность.

Она проявлялась прежде всего в том, что странная женщина очевидным образом опережала его в мыслях, на шаг, на два или на целый круг. Но опыта боевого офицера, учёного, политика, вождя, в конце концов, было достаточно, чтобы иногда это понимать, иногда – просто чувствовать. Она без всяких усилий, без задержки отвечала на любой задаваемый вопрос, причём так, будто заранее его знала. С подобным он в своей жизни встретился только один раз до этого – когда познакомился с тогда ещё поручиком Чекменёвым. Сам Олег был всего шестью годами старше, но – уже подполковником, ещё не Местоблюстителем, но всё равно одним из Великих князей.

Они тогда почувствовали взаимное влечение, как влечение стрелки компаса к магнитному полюсу. Оба были умны, каждый по-своему, обладали взаимодополняющими способностями, причём Олег сразу понял, что амбиции поручика никогда не перейдут известного предела, и решил, что в нём он найдёт, может быть, единственного человека, с которым всегда сможет оставаться самим собой. И за двадцать очень непростых лет ни разу не имел повода пожалеть о своём тогдашнем выборе.

И вот сейчас он увидел многие черты своего помощника и друга в этой женщине.

Её муж, генерал-лейтенант Берестин, ему тоже понравился как солдат и человек. Олег охотно мог назначить его на пост своего Главковерха²⁰, но «личным другом» не сделал бы

¹⁹ См. И. Ефремов «Час быка». Инферно – система безвыходного и непреодолимого умножения суммы зла в мире.

²⁰ Верховный главнокомандующий вооружёнными силами России в военное время. В мирное им, по Конституции, руководил Император.

никогда. Два медведя в одной берлоге не уживаются. Не в том дело, что такой человек способен учинить заговор и захватить его место. Это невозможно по определению: не Древний Рим у нас, не эпоха «солдатских императоров». Просто близкое общение с подобной личностью вызывало бы постоянные, пусть и неявные, трения, вредные для общего дела.

Оттого и при Врангеле, не слишком сильном полководце, как знал Император из документов, Берестин оставался лишь начальником штаба, хотя и удостоился высшего ордена Николая Чудотворца за номером один. Вояка хоть куда, однако с амбициозными начальниками органически несовместим при всём демонстрируемом уважении и практической незаменимости.

(Олег ещё не знал, как в «реале» Врангель изгнал с должности и из армии вообще генерала Якова Слащёва, величайшего тактика XX века, им же титулованного Слащёв-Крымский. А девятью годами позже и большевики предпочли убить ими же амнистированного генерала, нежели терпеть его издевательские оценки деятельности «красных маршалов» на лекциях в Академии Генштаба.)

«Немедленно нужно вызвать сюда Игоря и познакомить его с Сильвией Артуровной. А самому – посмотреть со стороны, как у них друг с другом отношения наладятся», – подумал Император. Как и подобает особе его масштаба, решение было неожиданное и изящное. Если противник переигрывает тебя позиционно, попробуем комбинационно сыграть.

– Извините, Сильвия Артуровна, мне нужно отлучиться на минутку, – сказал Олег вставая. Сейчас он поступил противоположно принятому в высших кругах этикету. Там считалось, что дама не поймёт, если мужчина вздумает выйти в туалет, не сказав, что ему нужно позвонить по телефону. А Император собрался именно звонить, но не хотел, чтобы гостья догадалась.

– Послушай, Олег, – Сильвия сделала очередной ход, – зачем эти лишние «онёры»²¹? Наедине называй меня на «ты» и просто Си. Обоим же проще будет...

Император ничего не ответил, просто наклонился и поцеловал её руку.

«Умеет вести партию, не устаю удивляться, – подумал он. – Тем лучше, тем лучше...»

С Чекменёвым его соединили сразу. Генерал, он же «полномочный посол и министр при ООН и ТАОС», по счастью, находился в лондонской резиденции посла барона Гирса, где сейчас велись трудные переговоры с премьер-министром Правительства Её Величества Уоллесом. Трудные для обеих «высоких договаривающихся сторон». Россия старалась не продешевить, по полной используя имеющееся на руках «каре тузов». Великобритания – не потерять лицо, если придётся сбросить карты, но втайне надеясь, что придёт «флеш-рояль»²².

Как он может выглядеть в переводе на общедоступный дипломатический язык – пока не совсем ясно было и премьеру, и руководству «Хантер-клуба», создавшего Уоллеса, как в своё время ребе Бен-Бецалель своего Голема. Только Голем был из глины, а этот – вообще неизвестно из чего. Но он сам и его «патроны» надеялись, что и на этот раз фортуна будет благосклонна к «старой доброй Англии» и сумеет учинить нечто подобное внезапной гибели в шторм испанской «Непобедимой армады».

– Как там у тебя? – спросил Олег без предисловий и прочих дежурных фраз.

Чекменёв тоже не был занудой, на подобный вопрос отвечающий пространно и детально. Он сразу понял, что Император имеет в виду совсем другое.

– В пределах. Если карт-бланш не отменяется, я его дожду...

– Отменяется...

На той стороне защищённого кабеля повисла пауза. Если так, то Чекменёву нужны пространные пояснения.

²¹ Дословно – «честь» (*франц.*), в переносном смысле – изысканные, церемониальные обороты речи.

²² Флеш-рояль – старшая, весьма редкая комбинация карт в классическом покере, «каре тузов» – вторая по старшинству. Бывает ещё «каре с джокером» (собственно «покер»), но это уже почти за пределами вероятности.

– Одним словом, прикажи Гирсу тянуть резину, с намёком на нашу готовность «войти в их положение», а сам вылетай в Москву немедленно.

– В буквальном смысле? – счёл нужным уточнить Чекменёв.

– В самом.

– То есть – на посольском самолёте? Два часа уйдёт на согласование эшелонов и подготовку экипажа. Сейчас по Гринвичу двадцать три. Часам к пяти Москвы постараюсь прибыть во Внуково.

– Вот и давай. Жду в Берендеевке. Счастливого полёта.

– Только я опасаюсь, что мой срочный вылет может быть расценен самым превратным образом. «Чрезвычайного посла» экстренно отзывают «для консультаций». Это может быть воспринято как начало разрыва дипотношений.

– Да и чёрт бы с ними. Пусть думают. Штатный посол ведь остаётся на месте. А лишняя сумятица в стане врага нам не повредит.

Император положил трубку. Вернулся на веранду.

Сильвия, облокотившись о широкие перила, всматривалась в окружающую терем ночь, покуривая длинную, нездешнюю сигарету. Её очаровавшее Олега платье сзади приподнялось настолько, что открылись ноги до самого верха, во всей красе. Император подумал, что таких ног он до вчерашнего дня ещё не видел. У любой женщины вольно или невольно, но найдутся хоть какие-то дефекты, физические или эстетические. Иногда и сбившийся шов на чулке, и не так поставленный каблук могут вызвать неприязнь (но наверняка – если есть и другая причина, пусть и фрейдистская). Здесь же всё было идеально.

И одновременно – ни малейшего влечения к обладательнице этих ножек он больше не ощущал. Совсем другие игры начались.

– Знаешь, Си, – стал он рядом и тоже закурил, – я немного подумал и решил заключить политический союз лично с тобой. Это ведь немало – личный союз российского Императора с женщиной из другого мира. Знак большого доверия и... порядочный риск, как ты понимаешь.

– Не спорю. В том числе и большая честь для женщины. – Ирония прозвучала весьма тонко, в стиле аристократических салонов, где Сильвия воспитывалась. – Что касается риска – в той России есть интересная поговорка: «Кто не рисковал, тот в тюрьме не сидел». Я заодно надеюсь, что не только мои «чисто женские качества» подвигли тебя на судьбоносное решение.

– Разумеется. «Чисто женские качества» тоже неоднократно оказывали воздействие на судьбы мира. Только я не Антоний, возлюбивший Клеопатру, не какой-то из Людовиков с его фаворитками. Я за сутки знакомства успел разглядеть в тебе надёжного партнёра и, надеюсь, друга. Времена нам предстоят трудные, очень трудные, и я хочу, чтобы можно было положиться не на одного Чекменёва. Хотя бы на равную фигуру из другого лагеря.

Разговор у них пошёл серьёзный, что следовало даже из интонаций Олега. Сильвия немедленно это заметила. Он говорил с ней негромко, раздумчиво, будто бы на ходу подбирая подходящие слова к только что рождающимся мыслям, не заготовленным впрок и не вытекающим из «должностных инструкций». А они у императоров тоже есть, просто не все об этом догадываются.

– Если можешь – вообще забудь о том, что случилось. Не хочу, чтобы «это» стояло между нами, – сказал наконец Олег.

– Забывать – незачем. Если бы я не почувствовала искреннего влечения к тебе, ничего бы не вышло, какой бы ты там ни был император или Казанова. – Сильвия говорила с Олегом сейчас так, как много раз случалось разговаривать друг с другом людям, слишком уж эмоционально тонким и одновременно слишком рассудительным.

– Однако ты тоже прав, Олег, другие нас ждут дела. Если сумеем с ними справиться – и об остальном поговорим. Ничего не исключаю. Что ты собрался сказать сейчас?

– Ближе к рассвету сюда должен подъехать человек, с которым, как я надеюсь, вы сработаетесь. У меня нет времени заниматься сиюминутными проблемами, у меня, боюсь, новая мировая война на носу. Я ему передам все связанные с «Крестом» заботы.

– А я думала – ты Ляхову всё препоручил, – прикидываясь наивной, сказала Сильвия. – Мне он понравился. Симпатичный юноша и решительный офицер.

– Ему найдётся где проявить свою решительность, – слегка излишне резко ответил Император. – А тот, кто приедет, – будет замещать меня по всем действительно государственным вопросам.

– Как интересно. – Сильвия сделала лицо и улыбку типичной блондинки из модных последнее время анекдотов. Всё, что нужно знать о Чекменёве, она знала с момента первого пересечения реальностей. Но лично действительно не встречалась.

– Введи в курс, хоть предварительно. Чтобы я знала, как себя с ним вести.

– Приедет – сама определяйся. Не хочу портить «первое впечатление». Достаточно сказать, что он моё единственное по-настоящему доверенное лицо в государстве...

– Неужели же? Как можно править, опираясь на «единственное доверенное лицо»?

– Я не совсем точно выразился. Видишь ли, вокруг меня множество сановников, истинно преданных людей, но мне не очень нравится иметь дело с нерассуждающими (где-то они, может, и рассуждают, но не со мной и не в той тональности). Великое счастье – иметь рядом человека преданного и рассуждающего. Поэтому судьба мне послала Чекменёва. Он безусловно предан, у него искренне такие же взгляды, как у меня, и в то же время он всегда готов отстаивать свою позицию, в определённом ракурсе, в своём понимании. Я как бы имею самого себя себе в собеседники. Для человека, находящегося на такой вершине, это редкое счастье. Человеку можно доверять безусловно, и в то же время он не поддакивает бесконечно, как большинство сановников, не встает навтыжку, а способен высказывать своё мнение и не отступаться от него. Достойный собеседник и при этом – преданнейший союзник, навсегда, а не к случаю...

– Если это действительно так, тебе на самом деле повезло. Из меня такое «альтер эго» не получится, при каждом удобном случае я буду доводить тебя до белого каления несовпадением наших взглядов и логик. Единственное, что могу обещать, – это будет искренне и для пользы дела.

– Я догадываюсь, что примерно так и будет, – сказал Олег, – но готов рискнуть, как уже говорил. Но сейчас я о другом хотел спросить. Или ты пойдёшь отдохнуть часа четыре-пять, или мы с тобой в разговорах за бокалом вина так и будем его здесь дожидаться?

Сильвия в отдыхе не нуждалась, естественно, с гомеостатом на руке она могла без сна и отдыха добраться хоть до вершины Эвереста, однако решила, что отдохнуть следует Олегу. Не каждый и тридцатилетний мужчина после общения с ней и многочасового застолья выдержит ещё одни напряжённые (в этом она не сомневалась) сутки.

...Чекменёв, чтобы зря не терять времени, побрился уже в самолёте, там же переоделся в мундир. Император не любил, когда военные люди без крайней необходимости появлялись перед ним в штатском. В аэропорту его ждал небольшой четырехместный вертолёт Управления. Перед ним по площадке несколько нервно прохаживался исполнявший здесь его обязанности полковник Тарханов. Генерал поднял его в два ночи, Сергей только-только прилёт после очередного трудного дня, и – пожалуйста!

Наскоро собрал документы, которые, по его мнению, могли заинтересовать начальника. Впрочем, думал Тарханов, едва ли экстренный вызов к Императору мог быть связан с их службой. Чекменёв достаточно давно отошёл от оперативных дел, и всё, что требовалось, Олег Константинович мог выяснить лично у Сергея и в более разумное время.

Тут что-то другое, явно внешнеполитическое, поскольку внутри страны всё спокойно, за это начальник управления спецопераций и фактический врио начальника Главного разведуправления штаба Гвардии мог ручаться в пределах своей компетенции. Не к европейской ли войне дело идёт? Тогда подобная срочность может иметь смысл. Но и то едва ли. Тарханов достаточно соответствовал должности и по ходу дела успел справиться по своим каналам – не поднят ли по тревоге кто-то из старшего войскового комсостава. Нет, и штабисты и строевики продолжали мирно почивать в своих резиденциях. Да и непосредственно в Берендеевке тоже царило *внешнее* спокойствие. Информаторы Тарханова непременно доложили бы, если вдруг что...

Единственный интересный штрих – Вадим Ляхов минувшим днем выехал туда же, в придворной форме и в сопровождении некоей дамы. О даме у агента никаких данных не имелось. Будь момент серьёзным, Ляхов непременно поставил бы друга в известность, об этом у них имелаась твёрдая договорённость. Очень возможно – в обязанности флигель-адъютантов и такая функция входила – повёз самодержцу «на погляд» кандидатку в очередные пассии. Интересно, кого бы это? Вадим абы с кем, хотя бы и из «света», связываться не станет.

Но тогда при чём тут срочный, как на пожар, прилёт Чекменёва?

Если связать то и другое воедино – интересный вариант получается. Ляхов разыскал где-то даму, располагающую информацией высшей степени важности, информация эта Государя настолько заинтересовала... Ну и так далее. А где, без участия ГРУ, Вадим мог такую даму отыскать? Вот то-то и оно.

Довольный результатами своего анализа, Тарханов, расправив китель под ремнём, пошёл навстречу генералу.

...По дороге к Берендеевке успели обменяться мнениями. Предположение Сергея показалось Чекменёву заслуживающим внимания. В любом случае никакие другие гипотезы в схему не монтировались без швов и лишних деталей.

– А Катранджи последнее время на горизонте не рисовался? – уточнил на всякий случай Чекменёв.

– Смотря в каком смысле. В плане предыдущих рассуждений мы обсудили возможности его снабжения оружием. Ляхов всем занимается. Я ведь в те миры особенно не вхож, ты знаешь. Вадим вёл какие-то переговоры с правительством Врангеля и одним крайне хватким и изобретательным евреем. Не Розенцвейг, конечно, но личность примечательная. Нечто вроде Гинцбурга и Захарова²³ в одном лице. Должны были на *нейтральной территории* обсудить разные схемы снабжения «Интернационала» *неидентифицируемым* вооружением. Но в детали я не вдавался.

– На нейтральной – это где? – на всякий случай уточнил Чекменёв.

– В девятьсот двадцать пятом или двадцать шестом году, я сам уже слегка запутался. Это тоже ляховская прерогатива, ему Император прямое поручение дал. Где-то на острове Мрамор в Мраморном море. Там у Югороссии экстерриториальная военная база. Очень удобно для организации транспортировки снаряжения на Ближний Восток.

Тарханов кое о чём умолчал, зная непростые отношения Чекменёва с Ляховым, да и поговорку о том, что если умеешь считать до десяти, вовремя остановись на семи, никто не отменял. В спецслужбах только дурак даже прямому начальнику открывает все свои карты.

– Хорошо, об этом позже, – отмахнулся генерал, которого вертолётная дрожь и гул нервировали куда больше, чем предстоящие дела.

²³ Гинцбург, барон – российский финансист и предприниматель, занимался в т. ч. снабжением русской армии во время русско-японской войны. Захаров, Базиль – один из крупнейших международных торговцев оружием в начале XX века.

Удивительно, но и по прошествии достаточного времени не только разговоры, но просто попытки размышлять о хитросплетении исторических линий и параллельных реальностей вызывали у Игоря Викторовича раздражение и одновременно – томительную скуку. Как при решении квадратных уравнений на уроках математики в кадетском корпусе. Проще всего списать у соседа и тут же об этом забыть.

– Давай всё же хоть вчерне прикинем, какие к нам с тобой могут возникнуть вопросы и как на них отвечать.

...Отвечать, по счастью, им ни на что не пришлось. В основном – слушать.

То ли Император торопился высказать прямо на месте всё, что хочет, то ли свежего воздуха ему не хватало, но деловой разговор начался сразу же на ведущей от вертолётной площадки через лес прямой, как Николаевская дорога, сосновой алее.

С Сильвией Тарханов и Чекменёв ранее не встречались, и она произвела на них *стандартное* впечатление: неконтролируемое мужское восхищение пополам с профессиональным уважением. И тот и другой сразу разглядели в ней коллегу высокого класса. Вдобавок – тоже сразу обоим – она напомнила девушек-«валькирий». Типажом и неуловимо похожим стилем поведения. На гораздо более высоком уровне, разумеется.

Тем более присутствовавший при встрече своего «как бы» начальства (на самом деле он был достаточно условно подчинён лишь Тарханову, да и то только по одной должности, которую занимал почти на «общественных началах») Ляхов утвердительно кивнул в ответ на вопросительный взгляд Сергея. «Из этих, мол, инопланетных, что ли?»

Государь же, представляя Сильвию, достаточно обтекаемо назвал её «одним из руководителей дружественной нам организации». Впрочем всё это было, так сказать, данью протоколу, потому что, не затребовав от Чекменёва никаких отчётов о его английских делах, Олег сразу перешёл к делу. И изложил ситуацию так, как сам захотел её видеть и понимать. Что вот, мол, господа, долг платежом красен, и как нас с вами здесь недавно очень выручили доблестные русские войска под командованием генерала Берестина, так теперь и мы должны помочь нашим братьям из другой России. И присутствующая в нашем кругу госпожа Сильвия Артуровна Берестина прибыла сюда, чтобы согласовать вопросы сроков и масштабов этой помощи.

Чекменёв слегка удивился самой постановке задачи. О какой, собственно, помощи может идти речь, если, по его данным (вот и пригодилась информация Тарханова), как раз Югороссия в очередной раз оказывает сейчас помощь нам, пусть и косвенную, по известной Императорскому Величеству проблеме. Взявшись снабдить, совершенно бесплатно (в денежном выражении, естественно), несколько сот тысяч ибрагимовских боевиков весьма совершенным и никак с нынешней Россией не увязываемым оружием. В полном ассортименте – от карабинов «СКС» и «РПГ-7» до самоходок «САУ-100». Мало того, что такие конструкции и используемые боеприпасы нигде в этом мире не производятся, так ещё и маркировка сделана какими-то иероглифами, острова Пасхи, допустим. Инструкции по применению отпечатаны на немецком или французском языках. Любые эксперты впадут в ступор, пытаясь понять, что это такое и откуда взялось.

А вот каких-либо сведений о том, что самодостаточная Югороссия нуждается в какой бы то ни было поддержке с нашей стороны, по заслуживающим доверия каналам не поступало.

Сказано это было хорошо, как раз в стиле Игоря Викторовича. Одним пассажем он довёл до сведения сюзерена всё, что хотел, дав понять, что и за пределами Отечества остаётся в курсе всех дел, как явных, так и тайных. Император это понял и оценил истинно византийскую тонкость царедворца.

– Не о той России речь, – благосклонно ответил он и предложил Сильвии самой прояснить обстановку, имея в виду, что, если вопрос о реализации «Мальтийского креста» будет

решён положительно, скорее всего, как раз генералу Чекменёву придётся выступить в роли куратора – наместника Высочайшей особы.

– У меня и других забот достаточно, – излишне категорично и сухо ответил Чекменёв.

При этих словах он покосился на стоявшего чуть в стороне Ляхова.

– С полковника это ответственности никаким образом не снимает. Как я и решил – вся техническая сторона операции за ним. А ты, Игорь Викторович, постарайся, чтоб и дело шло, и ваши функции с прерогативами сильно не пересекались. Если нужно, я позабочусь.

Расставив всё по своим местам, Император решил больше не вмешиваться, просто послушать, как сложится разговор между официально представленной генералу «посланницей» и его ближайшими помощниками.

Успело уже как следует рассвети, шестой час утра пошёл, но плотные тучи, затянувшие восточную часть небосвода, не позволяли пробиться солнечным лучам. От этого окрестности царского терема выглядели несколько нереально, как вообще всё происходящее здесь и сейчас. Тяжёлый, вроде дымовой завесы, туман, ползущий между кустами и низкими лапами вековых елей, скрывал рельеф местности и близкие постройки. Очень хотелось уйти отсюда, не смотреть и не чувствовать на лице холодную липкую сырость. Зажечь бы камин, отгородившись от мира толстыми бревенчатыми стенами и непробиваемыми дверями.

Из леса сильно пахло смолой, из ближней березовой рощи – прелью палых листьев, что, по народным приметам, обещало скорый дождь, по всей видимости – обложной. Между кустами затаились упорно не желающие рассеиваться ночные тени.

Все, за исключением Сильвии, толком выспаться не успели, а день обещал быть не менее длинным и многотрудным, чем предыдущие сутки.

Олег предложил пройти в чайный павильон, расположенный весьма живописно на берегу небольшого пруда в японском стиле.

– Ни то, ни это, – сказал Император. – Ни утро, ни ночь. Петухи своё отпели. Отдохнуть я вам позволю, хоть до обеда, а пока перекусите с дороги, да так, приватно, сомнительные вопросы обсудим. К примеру, стоит ли вообще Рубикон переходить? Обратного возврата бывает гораздо труднее.

Ляхов повёл Сильвию и Тарханова по узкой, окружённой густыми кустами в росе тропинке к парадному входу на закрытую веранду, а Император с Чекменёвым чуть приотстали и как бы невзначай свернули к соседнему крыльцу, с которого дверь вела в ещё одно уютное, изукрашенное лаковой мебелью и шёлковыми картинами помещение.

Имелись моменты, о которых следовало обменяться мнениями с глазу на глаз.

– Ты всерьёз решил в это ввязаться? – спросил генерал без обиняков. – Предупреждаю – я был против тех экспериментов с «боковым временем», слава богу, удалось их аккуратненько свернуть до более подходящего случая. Не раз говорил, что не желаю иметь никаких дел с «югороссами», а нам сейчас явно что-то ещё похлеще навязывают. Дамочка эта... Что-то взгляд у неё слишком пронзительный для остального облика. В любовницы ещё сгодится, а политикой я с ней поостерёгся бы заниматься.

Их отношения допускали подобные вольности, Чекменёв был в курсе почти всех увлечений Императора за последние пятнадцать, как минимум, лет, поэтому Олег только усмехнулся.

– За что я тебя и ценю, Игорь, – говоришь, что думаешь, – отвечал он, довольный тем, что может сейчас открыть буфет, налить себе обычный «тычок» (без которого мысль работала несколько *вяловато*) не на глазах у гостя. Отчего-то при ней делать это в шесть утра не хотелось. Обычно ему мнение посторонних по поводу любых своих поступков, тем более – привычек, было глубоко безразлично. В смысле придворного, военного и любого другого этикета Император был столь же безупречен, как британский принц Уэльский, будущий король Георг – в смысле законодательства в моде. А если что-то кому-то вдруг (что очень маловеро-

ятно) показалось бы *несоответствующим* – имелась в запасе историческая фраза Николая Первого: «Это полк одет не по форме!»²⁴

Но находясь рядом с Сильвией, Олег ощущал *странное* чувство – он как бы остерегался этой женщины, при самом искреннем восхищении ею же. Вчера, не считаясь ни с какими «приличиями», овладел ею (правда – «при полном непротивлении сторон», как выражался монтер Мечников²⁵) и не почувствовал, что тем самым приобрел над ней хоть долю власти или превосходства.

– Кое в чём ты, разумеется, прав, особа она очень непростая. Из таких хорошие любовницы не получаются. Составишь компанию?

– Пожалуй, – взял чарку Чекменёв. – В самолёте не употребил, хотя и зверски хотелось. Турбулентия, туды её мать. Крылья так и помахивали, будто прикидывали, куда отломаться – вверх или вниз. Не поверишь, *мне* пришлось стюарда в салоне успокаивать, а не ему меня...

– Чего тут не поверить. Слаба нынче духом молодёжь пошла. Но мы это скоро исправим, – подмигнул соратнику Олег. – На полста лет вперед обеспечим полигон для разминки заживевших мышц и заплывающих мозгов...

«Что-то не по-хорошему он весел сегодня, – подумал Чекменёв. – Не иначе чем-то эта дамочка его приворожила. Пусть и жена Берестина. Да не пусть, а именно поэтому! Я от него ждал прямых действий, а он свою бабу к Олегу подпустил. Ну ладно, сейчас пойдём, послушаем, глядишь, разберёмся, что к чему...»

Он заранее настроился на жёсткую конфронтацию с «гостьей». В голове крутились слова известной песни: «Нас на бабу променял!» А что у Императора с этой бабой точно вчера или даже сегодня «было», Игорь Викторович уже не сомневался.

«Ещё и в императрицы её возжелает короновать, – мелькнула мысль. – Как Пётр – шалаву Скавронскую...»

Тут, конечно, умный генерал был не прав, сравнивая «урождённую леди Спенсер», едва ли не герцогиню по боковой линии, с дочкой литовского крестьянина. Но, во-первых, о её происхождении Чекменёв ничего не знал, а во-вторых, с профессиональной проницательностью уловил главное сходство – Марта, она же потом Екатерина Первая, обладала изумительной интуицией и в любых ситуациях подчиняла необузданного, резкого и грубого Петра своей ненавязчивой воле. Только ей удавалось спасти от опалы и даже казни провинившихся сановников.

При появлении такой императрицы Чекменёву наверняка пришлось бы удовольствоваться никчёмной синекурой или почётной отставкой. Или, не дай бог, «Наместником в «боковом времени». Уж не у израильских ли некробионтов?

Генерала аж передёрнуло.

– Ты б меня просветил по дружбе, – попросил Чекменёв, синхронно опрокинув чернёную серебряную чарку, – ввёл в курс дела. Всерьёз. Кто эта прелестница на самом деле, какой у тебя к ней интерес, как мне с ней держаться, на твой взгляд? В чём заключается настоящая польза для России и для нас с тобой, если Рубикон таки будет перейдён? Вот это мне разъясни, пожалуйста.

Никто больше в Империи в таком тоне и в таком плане с Самодержцами последние пятьсот лет разговаривать не осмеливался. И не от страха перед репрессиями (после Павла I какие-либо *репрессии* в принятом ныне смысле у русских императоров против лиц первых трёх клас-

²⁴ Ещё в молодости, то ли в бытность Великим князем, то ли уже Императором, Николай Павлович появился на строевом смотре одного из гвардейских полков. Уже на плацу, заметив, что у царя расстёгнута верхняя пуговица мундира, генерал-адъютант шепнул: «Ваше Величество, вы не по форме», на что получил ответ: «Это полк не по форме». С тех пор полтора века в этом полку верхнюю пуговицу не застёгивали, к зависти всех прочих.

²⁵ См. И. Ильф и Е. Петров «12 стульев».

сов как-то вышли из моды²⁶), а именно, что не приходило в голову *так* разговаривать. Если бы пришлось, причём без подсказки и заранее гарантированного всепрощения, история России наверняка развивалась бы по другому, новгородскому, например, сценарию.

А вот Игорь Чекменёв, в совсем ещё юном, с точки зрения опытных лиц, окружавших будущего Местоблюстителя, возрасте и незначительных трёх звёздочках на погоне, нашёл подходящий момент и уловил настроение подполковника Романова. Сидя у полевого костра, в обстановке, перекликающейся со стихами поэта-партизана Первой Отечественной войны, а потом и генерала Дениса Давыдова: «Деды, помню вас и я, испивающих ковшами. И сидящих вокруг огня с красно-сизыми носами».

Вот тогда к слову будущий генерал процитировал будущему Императору слова Сенеки: «Я покажу тебе, чего не хватает высшим мира сего, чего недостаёт тем, кто имеет всё. Им не хватает человека, который говорил бы им правду! Высокий сановник в присутствии лживых советчиков теряет всякую чуткость. Он перестаёт отличать истину от лжи, потому что вместо правды он вынужден слушать только лесть. Ему нужен человек, который говорил бы ему, какие из донесений ложны, а какие – нет. Разве ты не видишь, как перед этими властелинами разверзается бездна? И происходит это потому, что они слишком часто доверяли ничтожным тварям. Никто из окружающих властелина не подаст ему совет по внутреннему убеждению; все они лишь соревнуются в подхалимстве, стремясь лживой лестью превзойти друг друга. И, как часто случается, такие властелины теряют всякое представление о своих истинных силах, начинают считать себя непревзойдёнными гениями, впадают в ослепление... Они проливают реки крови, пока наконец кто-то не прольёт их собственную кровь...»²⁷

Олегу Константиновичу понравилась не сама цитата – и Сенеку, и многих других мыслителей последних двадцати веков он тоже знал неплохо. Ему понравилась уверенность и, как бы это лучше сказать, *бестрепетность* молодого офицера. Какой-никакой, а всё ж Великий князь рядом сидит, и чины у них на целый просвет отличаются²⁸. Неужели уже тогда Чекменёв разглядел в почти обычном штаб-офицере будущее Величество? И рискнул?

Не вдаваясь в подобные психологические тонкости, спросил он у поручика одно: «А ты уверен, что сам можешь быть человеком, понимающим, какие донесения ложны, а какие – нет?»

И получил ответ из того же самого текста: «Я уверен только в одном – всегда говорил и буду говорить именно исходя из «внутреннего убеждения». Насколько оно совпадёт с «объективной истиной» – ручаться не могу. Но, по крайней мере, тот, кто меня услышит, будет иметь возможность сопоставить моё мнение со своим. И с фактами...»

Поручик Чекменёв курил, по привычке разведчика в кулак, выпускал дым в костёр, смотрел на обшарпанные носки своих сапог. Над головами шумела под ветром-баргузином забайкальская тайга, на сотни вёрст вокруг – цивилизационная пустыня. Карабин на боевом взводе лежал справа, на расстоянии вытянутой руки, расстёгнутая кобура нагана – на ремне слева. Над костром закипал закопчённый чайник, неподалёку переговаривались казаки и всхрапывали кони.

Два офицера, не могущие даже на сутки вперёд провидеть свою судьбу, вдруг одновременно подумали о чём-то очень далёком и, скорее всего, несбыточном. Так в этом и есть истинный смысл жизни мужчины и солдата – думать о несбыточном. И надеяться, само собой.

– А ты возьмёшь на себя такую тяжесть? – вдруг спросил Олег.

²⁶ Начиная с Александра I персоны первых трёх классов (гражданские – канцлер, действительный тайный и тайный советники, военные – генерал-лейтенант и выше) наказывались в худшем случае «удалением от двора» или «ссылкой в имение».

²⁷ См. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977 г.

²⁸ У поручика три звёздочки при одном просвете на погонах, у подполковника – три при двух.

– «Царям в лицо с улыбкой правду говорить?» – не поворачиваясь, то ли спросил, то ли уже и ответил Чекменёв. И неожиданно понял, что свой выбор уже оба сделали. Теперь осталось одно – воплотить его в жизнь. Чем плохая цель для поручика – посадить своего старшего товарища на пока ещё не существующий престол несуществующей империи? Куда как более интересная, чем выпиливать лобзиком из фанеры микроскопический дачный сортир²⁹, или проводить никчёмное время, наблюдая за поплавком на речной воде, зная, что даже самый восхитительный улов не окупит и четверти выпитой на этой рыбалке водки.

– Возьму, если ты не против. Но на условиях допустимой обоюдности...

Продолжения не потребовалось. И вот они уже двадцать лет вместе, и до сих пор Чекменёв может говорить что хочет, с улыбкой или без улыбки – это уже зависимо от обстановки и настроения.

– Дама эта – *на самом деле* жена чересчур уж тебе не понравившегося генерала. Она же, судя по всему, руководит неким «Комитетом по защите реальности». Что это значит на самом деле – чёрт его знает. Точнее – Ляхов очень хорошо знает, Тарханов – более-менее, а мне других забот хватает. Но что между временами можно ходить, как между комнатами собственного дома, ты успел убедиться. О своих нынешних интересах она через несколько минут расскажет вам сама. Не буду предврать, но замысел, как таковой, кажется мне интересным. Касательно же моего морального облика можешь не беспокоиться. Кто там в греческих мифах по этому делу была специалисткой? Цирцея, кажется. Так госпожа Берестина покруче будет. Наше с тобой счастье, если она эти способности для других персон оставит.

– Даже так? – Чекменёв слегка удивился, а потом вспомнил девушек, защищавших его в Одессе, и сообразил, что его сомнения неуместны. Если они из одной команды. Тем едва по двадцать, а воли и неукротимой решительности – на десятерых штурмгвардейцев. Так госпожа Берестина явно и намного старше тех девчонок чином, и лет ей наверняка под сорок, хоть и выглядит немногим старше тридцати. Пожалуй, и вправду не стоит с ней без нужды отношения портить.

– Пойдем, короче говоря, ты всё слушаешь сам и сам ответишь. Сначала себе, а потом и ей, что сочтешь нужным. От моего имени, как я и пообещал. Только перед каждой фразой хорошенько думай.

Игорь Викторович уже догадался, что думать придётся. Исходя не только из собственных убеждений, но и Олеговых тоже. Да и Ляхов с Тархановым не прогуляться по дорожкам сюда вызваны. Эти ребята, помимо войны, мало кому и нужны. В мирное время, что самое страшное, обязательно образуется зазор между уходом «людей мира» и приходом «людей войны». Точнее – наоборот. «Люди мира» добровольно никуда не уходят. Они или непонятным образом вдруг оказываются на достаточно тёплых тыловых должностях, или очень быстро пополняют списки санитарных и безвозвратных потерь по причине неприспособленности к фронтовым условиям.

Кто-кто, а Чекменёв знал это прекрасно, и страшно ему было вообразить, что на месте Тарханова в Пятигорске оказался бы по всем параметрам выдающийся офицер штаба ГРУ, но – другой. В лучшем случае он выбрался бы из города живой и доставил какие-то разведданные. И его пришлось бы наградить, потому что нельзя требовать от штабного аналитика в одиночку воевать с батальоном. А что он сам увидел бы в курортном городе после трёхдневных уличных боёв – Чекменев не хотел и представлять, тем более вариант «Тарханов» ему для сравнения никто бы не предложил. Так бы и спорили от «самого верха» до местных жителей, кто виноват, и пятьсот своих за шестьсот чужих – это победа или «не очень».

Иные варианты – «ноль за триста» никто и рассматривать бы не взялся, ибо «история не имеет сослагательного наклонения».

²⁹ См. И. Ильф и Е. Петров «Золотой телёнок».

Глава третья

...После разговора с Сильвией российский Президент некоторое время пребывал в достаточно расстроенных чувствах. Не в том смысле, что действительно был расстроен случившимся. Напротив, новый поворот сюжета его, скорее, воодушевил. Перед ним открывался горизонт непредставимых ещё вчера возможностей. При условии, что его новые знакомые действительно таковы, какими себя изображают, с заявленными техническими возможностями и геополитическими целями. Обещанная поддержка сразу снимет массу проблем, постоянно, с самого момента вступления в должность, осложнявших ему жизнь, не позволявших в полной мере реализовывать достаточно амбициозные планы и намерения.

Это только со стороны кажется, что президентская власть в России авторитарна и почти не ограничена. За что его не только критикуют, но и прямым образом клеветуют многочисленные оппоненты дома и за рубежом. Одни, как тот же «Александр Александрович»³⁰, обвиняют его в потворстве или даже в сотрудничестве с коррупционерами и иными криминальными структурами, другие – в зажиме демократии, великодержавном шовинизме и едва ли не фашизме. Запад всеми силами, прямыми и косвенными действиями пытается заставить Президента играть по своим правилам, причём не по тем, что использует сам во внешней и внутренней политике, а специально придуманным для тех, кого считает своими сателлитами или надеется в таковых превратить.

От Китая или Саудовской Аравии ни США, ни ЕС не требуют следовать их пониманию «демократии» и «прав человека», а от России – постоянно и непрерывно, зачастую в самой непристойной форме. Причём такую разницу в подходах нельзя объяснить ни страхом перед мощью Китая, ни «особыми союзническими отношениями» со средневековой теократией. Отнюдь нет. Всё упирается в иррациональную, подсознательную ненависть к России, которая никуда не денется до тех пор, пока вообще существует такое государственное образование, хотя бы ради его уничтожения пришлось вести горячие или холодные войны ещё несколько сотен лет. Не считаясь ни с какими угодно потерями, ни со здравым смыслом.

Вот и приходится непрерывно маневрировать, с оглядкой на массу факторов, соглашений и предрассудков, которые он с удовольствием послал бы по известному адресу. А вот нельзя, по множеству причин, перечислять которые бессмысленно и неприятно.

Политика – это искусство возможного. Предел своих возможностей Президент осознавал вполне, отчего и стал Президентом, а не остался, по Бабелю, качаться на нижних ступеньках веревочной лестницы.

Но теперь, если поверить и «Александру Александровичу», типу интересному, но неприятному своей фанатичной убеждённости (вроде Савонаролы), и очаровательной, но опасной, как коралловая змейка или паучиха «чёрная вдова», Сильвии, он сможет раздвинуть предписанные ему текущими обстоятельствами рамки.

А он им почти поверил. Причём эта вера определялась не только продемонстрированными «чудесами техники» – впечатляющими, с этим не поспоришь. Зря похожий на фарсового персонажа «Александр» намекнул на отсутствие у Президента *раскованного* воображения. Оно имелось в полном или хотя бы достаточном объёме. Достаточном, чтобы поверить в реальность межпространственных перемещений, научного анализа близкого будущего, иначе именуемого «ясновидением», и тому подобного. За последние двести лет наука продемонстрировала массу не менее удивительных и даже невероятных, с точки зрения обыденного «здравого смысла», открытий, воплощённых в действующие устройства и приборы.

³⁰ См. роман «Мальтийский крест».

Президент вдобавок разбирался в человеческой психологии, групповой и индивидуальной, как мало кто другой в его стране (по крайней мере – из тех, с кем приходилось контактировать по должности). И он видел – «Александр» и Сильвия с ним откровенны. Не до конца, конечно, о многом они умалчивали, но в сказанном он не улавливал намеренной лжи. И вполне убедительно звучали слова о том, что лично для себя никому из них ничего не надо. У них и так есть всё – от возможности безнаказанно убить любого человека до неограниченных материальных ресурсов. В таких случаях начинают действовать мотивации высших порядков.

Другое дело, что слова «высшие» и «возвышенные» – не синонимы. Сталин, к примеру, мог бы иметь тысячу пар лучших сапог ручной работы, а годами ходил в одних, старых. Он был «выше» банальных материальных потребностей, но что этот факт меняет, если из «высших соображений» или собственного каприза ему ничего не стоило приговорить к смерти или каторге любое количество людей «невзирая на лица», от близких родственников до всемирно признанных гениев?

Президент, в отличие от «вождя народов», ставил кантовский «нравственный закон» выше сиюминутных интересов, хоть личных, хоть «государственных». С этих позиций он и рассуждал. Если действительность такова, какой ему представляется, значит, в планировании своих дальнейших действий нужно исходить из двух предположений. Допустим, у него появился могучий союзник, которому можно верить. Не ищущий личной выгоды, но озабоченный тем же, чем он. Могучий действовать самостоятельно, нестеснённо никакими законами и «привходящими обстоятельствами», но нуждающийся именно в легитимизации результатов своей деятельности. Абсолютно при этом бескорыстно (в материальном, разумеется, смысле).

С личной властью тоже понятно. Сильвия сказала, что может в любой час объявить себя «Царицей мира», и он с ней согласился – да, сможет. И мир действительно пойдёт за ней после демонстрации нескольких эффектных фокусов или, на крайний случай, – устранения тем или иным способом любого количества оппонентов.

Сразу Президент сам себе не признался (действовала иная установка), а теперь, при здравом размышлении, вынужден был согласиться со словами «Александра» – ему ведь действительно понравилась та манера, в которой с ним разговаривали и он, и Сильвия. Как с человеком, а не с «функцией». Что ж, он постарается соответствовать тому мнению, что сложилось о нём у этих людей.

Только... Только их наверняка удивит факт, что он на самом деле ещё более широко и свободно мыслящая личность, чем они предполагают.

Президент ведь не исключал и прямо противоположного варианта. На самом деле цели и намерения «пришельцев» при тех же исходных посылах можно трактовать совсем иначе. Выводя пока за скобки вопрос об их происхождении, отчего не допустить, что их всё же интересует пресловутая «власть над миром»? Неважно, в какой форме.

Но если их всего несколько человек, они физически не в состоянии использовать свои технические возможности должным образом. С какими угодно приборами нельзя круглосуточно наблюдать за всем и вмешиваться во всё. Обязательно нужен многотысячный техперсонал, вообще аппарат управления, какое-то подобие идеологических и карательных органов... Без этого никакая власть немыслима даже теоретически.

Снова вернувшись к Сталину, Президент подумал, что даже ему, в тогдашних условиях, при наличии победившей и правящей партии, комсомола, профсоюзов и тому подобного, потребовалось больше десяти лет конструировать, неоднократно реформативировать и непрерывно «чистить» систему НКВД-НКГБ. Только после устранения выполнившего свою функцию Ежова и доброй половины его гвардии, от сержантов до комиссаров всех рангов, «органы» заработали так, как от них требовалось.

Новоявленные «друзья» Президента никаким подобным, вообще никаким аппаратом для захвата и удержания власти не располагают. Мифическая «Чёрная метка», организация «чест-

ных и болеющих за Россию» сотрудников всякого рода спецслужб, даже если и существует, не может насчитывать больше нескольких сотен человек. Разобшённых по разным ведомствам, единой штатной оргструктуры не имеющих и иметь не могущих.

Поэтому ничего лучше нельзя придумать, как использовать для своих целей готовое государство. Главное в котором не его реальные экономические и прочие возможности, а только и единственно *легитимность*. От имени государства прямо завтра можно начинать любые, самые радикальные преобразования. Как, собственно, это и делали большевики начиная с победы в Гражданской войне. Раз уж Советская власть существует, никуда вы от неё не денетесь: захотим – НЭП введём, захотим – отменим. Коллективизацию взамен получить извольте. Прямое, ни на какие совершенно законы не опирающееся насилие (как говорил тов. Ленин) и незамаскированный ничем Большой Террор – сколько угодно. Советский народ в едином порыве одобрит и поддержит всё! Как и последующее единодушное свержение этой же «общенародной власти» без всяких нравственных угрызений.

Как раз на этот исторический период пришёлся тот возраст Президента, когда в человеке сочетается всё самое лучшее – молодость, достаточная эрудиция, незашоренный ум, эмоциональность, уже избавленная от юношеской восторженности и щенячьего энтузиазма. Хорошо он помнил пресловутую «перестройку» и всё дальнейшее. И сейчас склонен был думать, что, появившись *эти* или *другие* «пришельцы» двадцатью годами раньше, лучшего варианта, как подчинить своей воле всего лишь одного человека и заставить его действовать по своему сценарию, они бы придумать не смогли. Дальше *система* заработала бы сама. Сигнал на входе, ожидаемая реакция на выходе. И никаких тебе социальных потрясений, войн и революций. Всё идёт по плану, строго по плану, непременно «в духе решений» съездов и пленумов.

Сам он в роли тогдашнего генсека оказаться бы не хотел. Но вот в состоянии ли он в одиночку противостоять подобному, если это не конспирологическая фантазия, конечно, а суровая действительность?

Выдержит не выдержит, а деваться некуда. Он тоже на свой пост определён, не только чтобы протокольные мероприятия проводить, ленточки разрезать и ордена раздавать. Возложена и на него некая миссия, если из сотен тысяч ровесников, не худших, в чём-то наверняка и лучших, именно он сидит в этом кабинете и мучается «проклятыми вопросами». Как командир попавшей в окружение армии. Выбор есть. Один – генерала Власова. Другой – генерала Кирпоноса³¹. Но были ещё и третьи. Из окружений выходили, абсолютно безвыходные ситуации в свою и Отечества пользу превращали, маршальские погоны всего через три года получали. Вот он и постарается быть «третьим». А малоизвестная пьеса Константина Симонова называется «Четвёртый». Там тоже интересный вариант поведения обычного человека рассматривается.

Он поднялся из-за стола в состоянии весёлой бодрости. Интеллектуальная задача решена – и, кажется, неожиданным, изящным способом. Мыслей читать «друзья-пришельцы» наверняка не умеют, мысль – слишком неформализуемый объект, а вот в словах, произнесённых даже с самыми верными друзьями наедине, нужно быть предельно осторожным. Имея в виду всё те же технические возможности своих партнёров.

Президент отправился в спортивный зал и целый час приводил себя в нужное физическое состояние сначала боксом на специальных тренажёрах, умеющих при неверном выпаде дать сдачу не хуже Майкла Тайсона, потом в бассейне.

На ближайшие двое суток он решил удалиться от текущих дел, благо отчёта давать не имел необходимости никому. «Желаю поработать с документами», как говаривал один из его

³¹ Кирпонос М. П. – генерал армии, Герой Советского Союза, командующий Юго-Западным фронтом. В августе 1941 г. героически погиб в бою (отстреливаясь из винтовки) при попытке выхода из окружения «малыми группами», т. е. полностью утратив управление войсками фронта. Из нескольких десятков дивизий одного боеспособного полка для прорыва найти не смог.

предшественников на этом посту. А ещё более ранний тиран и диктатор выезжал на свои дачи, хоть подмосковные, хоть кавказские, вообще никому ничего не объясняя. Не царское это дело.

«На хозяйстве» есть кого оставить, остальное – моя компетенция.

У Президента, как у любого нормального руководящего лица этого уровня, имелся собственный, «внутренний», так сказать, «кабинет». Или – «Совет безопасности», ни в каких законах и уложениях не прописанный. Тесный круг личных друзей, заведомо не связанных ни с какими другими структурами отношениями финансовыми или политическими. Чем Президент втайне гордился. Не каждому правителю удаётся подобным образом *подкрепить* собственную должность.

Сталин, неожиданно часто приходящий сегодня на память, первым делом избавился от всех людей, знавших его в предыдущем качестве, имевших моральное или какое-то другое право считать его «обычным человеком», с которым можно говорить на «ты», знать и помнить слова и поступки из совершенно другой реальности. В качестве каприза тиран мог позволить кое-кому из них жить, иногда даже неплохо, но всё равно – это была жизнь канатоходца на проволоке. Нет, не так, намного хуже. Что канатоходцу? Прошёл – не прошёл, упал – не упал, что заработал, то и заработал.

А вот если ты фактически первое, как Калинин, или второе, как Молотов, лицо в государстве, и всего лишь партийный секретарь, легитимной власти не имеющий, сажает твою жену (у обоих, кстати) в тюрьму на «десятку строгого». Твои действия?

Ты униженно кланяешься и соглашаешься. Вождь ведь оставляет тебя при должности и всех привилегиях, и ты это принимаешь. Иногда плачешь, как слабак Калинин, чугунно крепишься, как Вячеслав Михайлович. Посылки женам отправляете, а они, бывает, «не доходят» по причине «естественных почтовых трудностей» и «недоработок органов на местах». А ты служишь, «наступив на горло»... Чему, интересно? Маяковский – «собственной песне», а тысячи ближних слуг режима? Загадка истории или просто – психологии?

Казалось бы, на месте того же Молотова или начальника охраны Власика – пусть не золотой табакеркой, мраморной пепельницей в висок товарищу Сталину или из пистолета в лоб. И тут же по телефону объявляй о «постигшей нас невосполнимой утрате» и о том, что, несмотря ни на что, партия ещё выше поднимет знамя и ещё теснее сплотится...

Обдумывая следующий день, Президент очень много рефлексировал. Нормальная интеллигентская привычка, лишь бы она не заходила слишком далеко. Всегда есть рубеж, где надо переходить к действиям.

Не погружаясь ниже времён Петра Великого, соотносил текущие обстоятельства с опытом предшественников. Разница оказывалась исчезающе мала, если не обращать внимания на вполне несущественный антураж. И проблемы стоят перед Державой одни и те же, и способов их решения за пределами ранее использованных трудно придумать.

Президент, никак этого не афишируя, с момента прихода к власти свой идеал правителя (с поправкой на время, естественно) видел, скорее всего, в Николае Первом. Этот Государь, будучи очень интеллигентным и мягким от природы, по крайней необходимости санкционировал казнь всего лишь пяти главных «декабристов», и этого оказалось достаточно. Больше никаких заговоров и беспорядков в его правление не случалось. Вдобавок царь имел высшее инженерное, а не среднее военное, как другие самодержцы, образование, и все тридцать лет своего правления с утра до вечера работал, рассматривал и подписывал бумаги, путешествовал по стране, учил искусству управления своего наследника. И, что самое важное, не отдавался на волю бюрократии, предпочитая окончательные решения принимать самому. А чтобы держать собственную «вертикаль власти» под неусыпным контролем, были у него верные, без лести преданные друзья – Бенкендорф и Аракчеев, впоследствии незаслуженно ославленные, как и сам царь, либеральными историками.

Точно так и Президент: уже на подходах к должности он понял, что и как бы ни складывалось, близкие друзья у него останутся, причём останутся в прежнем качестве. Их было не так много, но каждый – только и именно друг. Не желающий извлечь какие-то дивиденды из прошлого, не стремящийся к постам и власти, не настроенный обогащаться сверх некоторого, довольно скромного уровня, позволяющего определённый комфорт и независимость, но и не более того.

Исходя из личных качеств каждого, он предложил им государственные должности, внешне не слишком заметные, но с серьёзным «потенциалом влияния», особенно при согласованных действиях. Своеобразный «серый кабинет» во главе с «серым» же «кардиналом». Одни согласились, другие под разными предлогами отказались от официального статуса. Но при этом выразили готовность в случае необходимости помочь взлетевшему на вершину власти другу «словом и делом», «без гнева и пристрастия».

Пока что необходимости использовать эту структуру в полном объёме её возможностей у Президента не возникало, разве что примерно раз в месяц встречались в переменном составе неофициально, для обсуждения отдельных ситуаций, по которым у него не складывалось сразу собственного мнения. Но теперь он решил, что критический момент наступил. Доводить до сведения посторонних полученную информацию и суть непонятных, но уже вызвавших нервность и напряжение в президентском окружении, правительстве и бизнес-сообществе событий он пока не считал нужным. Если всё же имеет место невероятно тонкая мистификация – стань она достоянием гласности, он рискует как минимум авторитетом в условиях и так достаточно нестабильной политической обстановки. Но если происходящее – правда, выпускать из рук сведения, способные перевернуть всё мироустройство, – та самая ошибка, которая хуже преступления.

Зато обсудить положение, в котором он (а точнее – все они) оказался, с близкими друзьями и выработать с их помощью линию поведения для следующей встречи с представительницей «Комитета по защите реальности» (надо же такое придумать!) – в самый раз. В его личную честность они поверят, никаких сомнений, а вот как истолковать случившееся и какие действия предпринять – станет ясно в ходе «мозгового штурма». Подобным образом у них было принято действовать со студенческих времен.

Президент не верил в способность «пришельцев» – так он для простоты продолжал называть «Александра» и «Сильвию» – контролировать все существующие каналы информации и даже заглядывать в близкое будущее. Если бы это было так – какая необходимость им назначать личные встречи? И без них узнали бы всё, что интересуется...

Но, как известно, бережёного бог бережёт.

Один из друзей негласно курировал Службу охраны, он и обеспечил прикрытие отъезда Президента на одну из редко используемых дач, «Охотничий домик» в двух сотнях километров к северо-западу от Москвы. Подготовил сопровождение и группу обслуживания из абсолютно надёжных людей. Прочие участники «тайной вечера» добирались на место самостоятельно, разными маршрутами, будто вообразив себя персонажами давно прочитанных «шпионских романов». Предосторожность, скорее всего, совершенно излишняя, по своему статусу эти люди никак не могли находиться под постоянным и плотным наблюдением собственных или чужих спецслужб, но... Кто же на самом деле всю правду знает?

К вечеру первого из трёх отпущенных на размышления дней на даче, надёжно отгороженной от внешнего мира десятком километров труднопроходимой лесной чащи, болотами и четырехметровым забором, снабженным всеми современными средствами охраны и обороны, собрались все приглашённые. Удивлённые не тем, что их вдруг собрали, а тем, что это не случилось намного раньше. Поводов хватало. А тут неожиданно, без предварительных разговоров – и всех сразу!

На всякий случай из гостевого помещения были убраны телевизоры, компьютеры и прочие электронные устройства. Электропитание отключено, комнаты освещались многочисленными восковыми свечами. Президент внутренне посмеивался, но не мог не признать, что чем-то происходящее ему даже нравится. Словно перенёсся в девятнадцатый век или просто времена своей юности.

Это тоже послужило темой для предварительного обмена мнениями. Лёгкого, раскованного, ироничного, словно все присутствуют здесь в прежнем, давнопрошедших времен качестве.

– Тогда уж надо было и о дресс-коде позаботиться, – полушутливо сказал товарищ, в своё время талантливый журналист, согласившийся возглавить группу президентских спичрайтеров и заодно – консультант по вопросам взаимодействия со средствами массовой информации. – Приодеться в соответствующем стиле. У нас сегодня что – чей-нибудь день рождения? – Он обвёл глазами присутствующих. – Прошу прощения, если вдруг запамätовал. Служба протокола недорабатывает?

– Нет-нет, с памятью у тебя всё в порядке, – улыбаясь, ответил Президент. – Никаких достопамятных дат, вообще ничего торжественного. Просто вот захотелось пообщаться, как встарь, за столом посидеть без посторонних, а то и пулечку-другую расписать. Государи-императоры не стеснялись, помимо государственных дел, и в картишки перекинуться, в домино даже. А мы уж больно в официозах погрязли. Вот давайте попробуем. Никакого двадцать первого века за бортом, вообще ничего за пределами ограды. Хоть на сутки. Согласны?

Возражений не поступило, хотя ни один из присутствующих не поверил в столь простое и будто бы естественное объяснение. Не то время и не тот человек Президент. Не говоря о прочем, каждый по своим каналам кое-что знал о событиях последних дней и каждый по-своему случившееся осмысливал и трактовал. Ребята все были с неограниченным доступом к всяким разным источникам, умеющие думать о вещах, далеко выходящих за пределы непосредственных обязанностей, с использованием исторических прецедентов «от Ромула до наших дней», как писал Пушкин.

Но если «первый среди равных» желает обозначить встречу таким именно образом – кто же будет возражать? Даже интересно, каким образом он, в конце концов, перейдет к сути дела.

Часа полтора прошло в общих разговорах, касающихся не столько настоящего, как прошлого. От воспоминаний о лыжных походах по Кольскому полуострову и сплавах на катамаранах по алтайским рекам до споров, кто и где именно сыграл «девятерную без трёх».

Даже ужин Президент распорядился подать в старых традициях. Никаких изысков, исключительно то, что было доступно, пусть чисто теоретически, в студенческие годы.

И только когда совсем потемнел небосвод над кронами мачтовых сосен, заметно раскачиваемых западным, сулящим дождь ветром, хозяин застолья, добившись нужного, по его мнению, настроения компании, заговорил о главном.

Его рассказ, разумеется, произвёл впечатление на собравшихся. Все они люди эрудированные, независимо от образования, у кого гуманитарного, у кого технического, были, что называется, «книжными мальчиками», то есть как научились читать в пять-шесть лет, так и до сих пор читали всё, что казалось интересным или заслуживало внимания с точки зрения своих референтных групп. Знатоки фантастики немедленно начали вспоминать названия произведений и фамилии авторов, за последние полвека так или иначе затрагивавших подобную тему. При этом, как и предполагал Президент, в правдивости его слов никто не усомнился. Не принято было в их кругу путать розыгрыши с серьёзными делами. Что допустимо в студенческих компаниях, никак не уместно на нынешнем уровне. Сколь бы свободомыслящими, без лишнего пиетета относящимися к феномену «высшей государственной власти» личностями ни

были здесь присутствующие, степень ответственности своего друга за каждое сказанное слово они представляли вполне.

Некоторый момент ошеломлённости и даже растерянности, безусловно, присутствовал. Так любой образованный человек с детских лет вполне разделяет идею Джордано Бруно о множественности обитаемых миров, но наверняка испытает вполне понятный культурошок при личной встрече с инопланетянами. Только в фантастических романах эта встреча обычно переносится героями легче, чем можно вообразить «на почве строгого реализма».

Впрочем, скорее всего, рассуждения о «культуро-» или «футурошоке» можно отнести к разряду очередного интеллигентского алармизма, поскольку весь опыт человечества свидетельствует, что психика хомо сапиенс пластична почти до бесконечности. Ни одно донные известное техническое изобретение, ни один социальный катаклизм не производили *слишком уж сильного* впечатления на отдельных личностей и уж тем более на социумы. Хоть изобретение пулемёта или аэроплана, хоть революция масштаба французской или февральской/октябрьской воспринимались подавляющим большинством современников достаточно адекватно, нередко – просто безразлично. Можно сказать – мечты о невероятном вызывали более сильные эмоции, чем их реализация.

Вот и сейчас, после краткого момента осмысления услышанного, сопровождавшегося всеми положенными в подобном случае реакциями, а затем и уточняющими вопросами, отражающими степень заинтересованности каждого теми или иными аспектами ситуации, разговор перешёл в конструктивное русло.

Техническая сторона вопроса единогласно была выведена за скобки. За недостатком достоверных сведений обсуждать тут было нечего. Имеет здесь место факт внепространственного канала связи, «прокола римановой складки» или чего-то другого – никакой разницы. Точно так же, как абсолютно неважно, каким образом функционирует ноутбук – устройство гораздо более непредставимое с точки зрения середины XX века, когда уже появились ЭВМ размером с железнодорожный вагон.

– Таким образом, что же мы имеем? – спросил руководитель аналитического управления администрации, доктор философии, защитивший диссертацию в тридцать пять лет – в те годы, когда практического смысла в этом было не больше, чем в коллекционировании бабочек. – Некие гении изобрели устройство, дающее реальную возможность *абсолютной* власти над миром, – слово «абсолютной» он по профессорской привычке отчётливо выделил интонацией. – И вместо того чтобы использовать его так, как предпочло бы девяносто процентов «разумных людей», они начали с попытки заставить тебя «должным образом исполнять свои обязанности»? Нонсенс!

– А себя ты относишь к девяноста процентам или?.. – спросил Президент. Ему вдруг стало удивительно легко на душе. Будто бы вот, как в те времена, когда приходилось подрабатывать на станции разгрузкой вагонов: сбросил очередной мешок, и можно посидеть, перекурить в тени пакгауза.

– О присутствующих пока не будем, – возразил Философ. – Мы говорим о наиболее общих законах...

– Бытия и мышления, – продолжил Журналист. Удобно вытянулся в кресле, повертел перед глазами пузатым бокалом с ароматным, медового оттенка хересом. – Генерал Корнилов, помнится, вопреки этим самым законам отправился в ледяную степь с винтовкой и вещмешком сухарей и патронов. Россию спасать. А мог бы и чем попроще заняться...

– Твои взгляды мы знаем, но сейчас несколько другой момент...

– Брэк, – пресёк готовый затеять спор Президент. – Хоть и брэйнсторминг³² у нас, но не до такой же степени. Продолжай, – предложил он Философу.

³² Брэйнсторминг – мозговой шторм (англ.).

– Чего тут особенно продолжать? Если девяносто процентов людей немедленно занялись бы личным обогащением, а не... То априори можно считать, что вероятность, будто твои «Александр» и «Сильвия» руководствуются «возвышенной идеей», в любом случае не может превышать десяти процентов.

– Вероятность того, что средний выпускник очень средней школы понял всё, чему его учили, а тем более умеет применять полученные знания на практике, тоже не превышает десяти процентов, – то ли согласился, то ли возразил Юрист, исполнявший при Президенте роль «адвоката дьявола», то есть рассматривавший проект любого документа, готовящегося в президентской администрации с точки зрения – в чём его возможный вред, отнюдь не польза.

– Значит, ты считаешь, что этим «персонам» следует верить?

– Не имею достаточных оснований. Послушаем, что наш «товарищ крот» скажет.

Эти слова относились к самому молодому из всех, работавшему на малозаметной, хотя и генеральской должности, но позволявшей быть в курсе всех, даже сверхсекретных, документов, проходивших через внешние и внутренние компьютерные сети МГБ, МВД и ряда учреждений подобного типа.

– Во всём, что касается моей сферы ответственности – верить стоит почти безусловно. Я внимательно слушал и вспоминал. Очень многие ранее непонятные факты теперь выстраиваются оригинальным, удивительно непротиворечивым образом. В том числе касающиеся так называемой «Чёрной метки».

– Что же ты раньше мне не говорил? – с долей обиды в голосе спросил Президент.

– А о чём? Мало ли легенд, слухов, намёков всегда ходит в наших *специфических сообществах*? Конспирология, братцы, это дело такое... Любое непонятное событие «простецы» склонны толковать самым невероятным и в то же время убедительным (для себя и подобных) образом. И что ж, твоё высочайшее внимание на каждый чих обращать? Сейчас другое дело, раз уже *всё случилось*, можно вплотную заняться анализом «теории невероятности»...

– Если позволят, – с весёлой, не по случаю, улыбкой сказал Литератор. Абсолютно «несистемный» человек, уже лет двадцать с лишним назад развлекавший друзей своими рукописными «романами» на темы альтернативной истории. Тогда эти упражнения, попади они в поле зрения КГБ, грозили нешуточным сроком, а сейчас неплохо кормили да заодно позволяли выступать, независимо от настроения, то защитником существующего режима, то его непримиримым оппонентом. Но в целом Литератор стоял на позициях «просвещённого монархизма» и постоянно доказывал, в основном ориентируясь на молодёжь, пагубность для России иного другого способа правления. Его книги были весьма популярны, но необъяснимым образом вызывали отчётливую неприязнь у критиков всего спектра, от крайне правых до крайне левых.

– Мне отчего-то кажется, что за нами и сейчас наблюдают, несмотря на все меры предосторожности. Слушают, смотрят, делают выводы...

– Паранойя? – спросил Философ.

– Отчего же? Если принимать слова «защитников» всерьёз, это вполне в их стиле и их возможностях. Но – неважно. В любом случае они нас воспринимают адекватно, раз вышли на контакт и сделали известные предложения. Если даже не слушают сейчас, так ничего им не стоит смоделировать нашу беседу и наши реакции. Я бы и то смог...

– Тогда о чём речь? – спросил Философ.

– О том же самом. Их заявленная позиция лично мне близка. На их месте я действовал бы примерно так же. И совершенно нелицемерно говорил бы при встрече то, что говорю сейчас. Следует принять предложенное сотрудничество. И к какому бы решению мы сейчас ни пришли, оно не должно расходиться с тем, что ты станешь говорить при личной встрече, – это относилось к Президенту. – Хорошо бы и нам в ней поучаствовать...

– Никаких возражений. Мне предложено госпожой Сильвией пригласить на следующую встречу советников, экспертов, специалистов, – ответил тот.

– Так давайте все и пойдём, – с энтузиазмом произнёс Литератор. – Пусть они даже заранее узнают о нашей позиции на переговорах. Что нам скрывать? Мы согласны на сотрудничество в принципе, а детали можно уточнять. Цель ведь, в итоге, у нас одна...

– Ну-ка, ну-ка, – оживился Философ. – Похоже, ты наживку уже проглотил. Наконец у тебя обозначились союзники, способные реализовать твои «фантазмы»...

– И слава богу. Раз собственных силёнок не хватает, чтобы в стране порядок навести, так, глядишь, варяги помогут...

– «Варяги без приглашения», – вспомнил название очень давней книги Журналист. – Не боишься?

– Мне-то чего бояться? Как вытекает из сказанного, «желающего судьба ведёт, нежелающего тащит». Если всё, о чём мы сейчас рассуждаем, – блеф, нет оснований для рефлексий. Подумаешь – невинный розыгрыш. Если правда – они сделают как хотят. С нами или без нас. Но лучше с нами. Возражения принимаются...

– По сути – нет. Возражение только одно. Все идеи насчёт розыгрыша, моего внезапного сумасшествия, наведённой на всех присутствующих галлюцинации предлагаю оставить как непродуктивные. В случае чего – меня одного или всех нас доставят *куда нужно* и станут лечить. Исходя не из последних достижений медицины, а из текущей политической целесообразности, – жёстко сказал Президент. – Это всем понятно?

Выдержал паузу, ожидая реакции. За столом молчали, осмысливая его слова. А ведь действительно, постепенно начало доходить до присутствующих – это совсем не дружеская болтовня в начале уик-энда. Это более чем серьёзно: поворотный пункт если не в судьбах мировой цивилизации, то в их личных – точно. Удивительно, что сразу этого не поняли. Возможно, оттого, что слишком велика была инерция представления, будто «прошло уже время ужасных чудес». В широком смысле этого постулата.

– Хотелось бы уточнить, что ты понимаешь под «куда нужно»? Поконкретней бы, – осведомился Литератор.

Президент усмехнулся едва заметно.

– В случае нашего неправильного решения это не будет иметь принципиального значения. Шлиссельбург, кремлёвские подвалы или комфортабельные апартаменты в каком-нибудь другом мире. Уголок в яме для «невостребованных прахов» тоже не исключается.

– А ведь он прав, ребята, – сказал наконец Философ.

– Не зря ведь – вождь...

– Хорошо хоть – не «учитель», – кивнул Президент. – Итак?

Кое-как собрав разбегающиеся мысли, перешли к конструктивному обсуждению «предложенных обстоятельств».

Литератор подтвердил, что он принципиально согласен с данной «Александром» оценкой положения в стране и позиции Президента.

– Слишком мы все заморочились на пресловутой «стабильности», «поступательном развитии» и «общеевропейских ценностях». Сколько раз я уже спорил с вами на эти темы, и что? Получается, что я таки был больше прав. Чем вы...

– Сократическая школа, – кивнул Философ. – Преимущество софистики и интуитивного знания перед рациональным. Вся беда в том, что практикам приходится руководствоваться гораздо более вескими основаниями, чем интуиция одного человека, хотя бы и наделённого не только острым умом, но и ясновидением...

– «Но ясновидцев, впрочем, как и очевидцев, во все века сжигали люди на кострах», – согласился Литератор. – А настоящая беда в том, что «власть предержащие», за редким исключением, остерегаются доверять собственной фантазии и интуиции. Тебе ведь на самом деле кажется, – обратился он непосредственно к Президенту, – что существует некий набор политических и экономических факторов, обозначающий для тебя «коридор возможностей», вроде

как фарватер через минное поле. И ты не то чтобы боишься с него свернуть, ты просто находишься в плену догм и предрассудков. «Волки знают – нельзя за флажки».

– Интересно, как бы ты повёл себя на моем месте? – усмехнулся в ответ Президент. – Насколько мы все знаем, ты всегда, с комсомольских времён, открепивался от любой реальной, самостоятельной работы...

– Именно. Чем чище погон, тем чище совесть. Кроме того, для руководящей работы, что в СССР, что сейчас, нужен набор личностных качеств, которых я полностью лишён. В подробности вдаваться не будем, неподходящий момент, да вы их и так знаете. Но ты-то наделён ими в достаточной мере. Следовательно, вопрос лишь в том, чтобы верно уловить момент, когда и какие из них следует пустить в ход, не ограничиваясь в средствах. Нравственно всё, что ведёт к достижению цели. Была бы цель достойной... – Литератор непроизвольно начал впадать в назидательный тон, больно уж момент был провоцирующий.

– А кто это вправе определять? – осведомился Президент.

– В данном случае – ты, если уж наделён мандатом и облечён доверием. Я во многом согласен с твоими «собеседниками», «защитниками реальности». Ситуация с этой самой реальностью действительно непростая и требует неординарных мер. «Александр» упомянул про «синдром Павла Первого». Доля истины в его словах есть. Ты ведь действительно имеешь в виду... Пусть не табакерку в висок и шёлковый шарфик, но что-то вроде «бунта элит», переходящего в «последнюю и окончательную» российскую смуту. А «защитники» – не боятся. Иван Грозный не боялся, ввёл, когда счёл нужным, опричнину, Пётр, Александр Третий, Сталин, наконец... Да и Ельцин, уже на наших глазах. – В ответ на протестующий возглас одного из друзей Литератор примиряюще улыбнулся: – Только не будем о нравственных оценках. Для каждого времени они свои. Атомную бомбардировку Хиросимы большинство граждан антигитлеровской коалиции восприняли с чувством глубокого удовлетворения. Как в то же время мир рукоплескал победам Красной Армии. Через недолгое время точки зрения на указанные события кардинально менялись. То же касается и всего остального. Часовой на посту стреляет без предупреждения по нарушителю охраняемой территории и получает награду, не вникая в обстоятельства и личность убитого. Но одновременно казнь по суду безусловного преступника вызывает такие протесты, что фактически отменена в «цивилизованных странах». А американцы плевать на мнение «общечеловеков» хотели, прошу заметить, и проводят «санитарные чистки» и у себя дома, и за его пределами, везде, где можно это делать безнаказанно...

– Мы, кажется, отвлеклись, – сказал Философ.

– Отнюдь, – не согласился Литератор. – Я подвожу вас к мысли, что позиция «защитников» пусть и несколько прямолинейна, но зато рациональна. Если у нас с вами есть какие-то цели и идеалы, нужно проводить их в жизнь решительно и бескомпромиссно. Или бросить вёсла и... Куда вынесет. Одним словом, я за то, чтобы принять помощь кандидатов в союзники. Лучше всего после переговоров создать какой-то совместный координирующий орган. Другого выхода я просто не вижу. Иначе, не исключая, могу пойти на личную унию с этими ребятами. Если позовут...

Сказано было так, чтобы присутствующим стало ясно – хоть и шутит товарищ, но не так уж и шутит.

– Стоп, – пресёк слишком длинный монолог товарища Президент. – Брэйндорминг так брэйндорминг. Твоя позиция ясна. Кто присоединяется?

С теми или иными оговорками позицию Литератора разделило незначительное, но большинство. Категорически против были Финансист, Юрист и, что показалось удивительным, Контрразведчик. Резоны двух первых были ясны и во многом совпадали с точкой зрения Президента. Угроза краха кое-как отлаженной экономической системы, серьёзные проблемы с важнейшими зарубежными партнёрами, почти тотальный слом всей правоохранительной и правоприменительной системы и полная неясность, что удастся выстроить взамен и удастся

ли вообще хоть что-нибудь при нынешнем внутреннем и международном положении. Запаса прочности у страны почти не осталось.

Но вот Контрразведчик... Казалось бы, ему следовало обеими руками ухватиться за предложение «комитета». Неограниченные ведь возможности открываются.

Президент так и спросил.

– Ребята правы, – ответил тот. – С запасом прочности у нас плохо. Зато имеется масса желающих организовать десяток «цветных революций» сразу. И технически это не такая уж сложная задача. Особенно если и «друзья» захотят сыграть на этом поле. Ты ведь об этом тоже думал, признайся.

Немедленно вставил очередное слово Философ:

– Коллега просто боится конкуренции. С теми методиками, что якобы доступны «защитникам», ему и его структурам, как бы он лично к ним ни относился, в новых условиях светят только вторые, а то и третьи роли – мальчиков на подхвате и на побегушках. Вдобавок все наши разведки и контрразведки сами станут объектами наблюдения и разработок. Я правильно понял?

– И это правильно, – не стал кривить душой тот. – Такой «союз» непременно низведет нас до роли марионеток. Нам всем будут что-то сначала подсказывать, потом рекомендовать и, в конце концов, просто предписывать. И самостоятельности у нас в итоге не останется никакой, и способов противостоять давлению – тоже.

– А сейчас они есть? – осведомился Литератор. Казалось, ему диспут доставляет истинное удовольствие. Да так оно и было. Он оказался в своей стихии: всё, что раньше представлялось лишь играми разума его самого и «собратьев по перу», сейчас явилось совсем в ином свете. Будто бы богослов вдруг наяву встретился с объектами своей схоластической деятельности. И всем стало абсолютно ясно: нет больше у него другой цели, как вступить в личный контакт с «защитниками», по воле Президента или вопреки ей.

– Кто это может знать? – неохотно вымолвил Контрразведчик. – Демонстрация, на твой взгляд, выглядела убедительно, не спорю, – обратился он к Президенту. – Но что, если это была именно демонстрация, на пределе их возможностей? Предположим, их прибор способен только на то, что он изобразил. Прямой контакт через телеэкран, перенос некоторой материальной массы на километры, а может быть, всего лишь на метры. Мы ведь не знаем, откуда велась передача. То же и с якобы «жертвами». Достаточно простой фокус – замотивировать нужным образом уже случившиеся события. Шерлок Холмс демонстрирует чудеса дедукции, называет имя и адрес преступника, описывает внешность, все повергнута в шок и восхищение, а он всего лишь нашёл на месте преступления впопыхах оброненный паспорт. То же и их «аппаратуры» касается. Пусть она действительно есть, но в настоящее время – как винчестер без патронов. Только что стрелял и произвёл фурор, а что перезарядить его нечем – никто вообразить не может.

– И это не лишено. Тем больше оснований согласиться на предложенную встречу. Так что давайте как следует к ней подготовимся, исходя из любых мыслимых вариантов. Это для вас с Философом задача, – предложил он Литератору, – спрогнозировать ходы партнёров, – прекратил Президент дискуссию. – Прочие подготовят соображения каждый в своей области.

А Контрразведчику он поручил озаботиться мерами обеспечения безопасности, исходя из максимума возможностей «защитников».

– Если из «максимума» – вообще ничего делать не надо, – ответил тот. – В таком варианте мы перед ними бессильны. Если блефуют – тем более бояться нечего. А вот меры безопасности против чересчур любопытных «своих» я безусловно приму, надёжнейшие из возможных.

Глава четвёртая

Ляхов-Секонд так до сих пор и не получил обещанные Императором «под настроение» за организацию романтической встречи с Сильвией и идею «Мальтийского креста» генерал-адъютантские погоны. Через несколько дней Олег Константинович как бы между прочим заметил, что он своих слов не забывает, но сначала – результат, награды – позже. Вадим и сам не особенно надеялся, учитывая свой неприлично молодой для генеральства возраст. Но всё равно было немножко обидно, пусть на самодержцев и не принято обижаться. «Над жизнью я своих людишек волен, и над смертью тоже», – как любил выражаться Иван Грозный.

Грешным делом, Вадим считал, что в его карьерной неудаче косвенно виновата именно Сильвия. Согласись она ещё дня три-четыре поиграть с государем во всепоглощающую страсть, заданного в подходящий момент вопроса: «А что это наш конфидент до сих пор в прежнем чине ходит?» – хватило бы.

Карьеристом в обычном смысле Вадим не был, велика ли разница для рыцаря «Братства», какие аксессуары украшают его в один из преходящих моментов? Но для пользы этого же «Братства» его генерал-адъютантский чин предоставлял значительно большие возможности, без сомнения.

Игра Сильвии тоже была ему не совсем понятна – отчего она вдруг резко прервала так удачно им подстроенную связь с Императором. Женщине её характера и морали не всё ли равно, одну ночь провести в чужой постели или «сколько потребуется»? Сам он с юных лет считал, что понятие «измена» количественному измерению не поддаётся. Что в любви, что на войне. Если «старшая сестра» изменила нынешнему мужу единожды, то, не рискуя больше повредить своей «чести», могла бы делать это и далее, в меру необходимости.

И тут же сам себя одёрнул – не его дело рассуждать и оценивать поступки людей иного уровня и иной культуры. Если Сильвия поступила именно так, значит, имела к тому основания. Со своими бы делами разобраться.

Он вплотную занимался порученным делом, как вдруг поступило новое задание – в трёхдневный срок подготовить необходимые обоснования по «Мальтийскому кресту» для намеченной личной встречи Императора с Президентом Российской Федерации.

Ничего особо сложного, если бы не сам предмет переговоров. Если говорить без обиняков, то подразумевалась неслыханная в истории акция – фактическая аннексия независимого государства самим же собой, но выступающим в другой ипостаси. Как если бы богословам предложили рассмотреть практическую возможность слияния «живоначала Троицы» в единую личность. При всей их «нераздельности и неслиянности».

Увлёкшись идеей «Креста» как чисто военной задачей, способом обеспечить Россию несокрушимым тылом и стратегическими ресурсами на случай грядущей европейской или мировой войны, он упустил из виду политический аспект. С некоторым опозданием вспомнил, что нации, а уж тем более такие, как русская, крайне болезненно относятся к малейшим попыткам ущемления своего суверенитета.

Впрочем, пришла следующая мысль: собственно высокая политика – не его уровня проблема. Он должен дать в руки Императору инструмент для её проведения, всего лишь, а уж как он им распорядится...

Всего за три отведённых дня нужно было успеть собрать подходящих людей из числа «пересветов», наилучшим образом подготовленных дипломатически, свободно владеющих необходимыми статистическими, демографическими, военно-экономическими данными, разъяснить им смысл задания и снабдить нужной информацией о реальном положении дел на «сопредельной стороне». Чтобы могли без запинки играть на сопоставлении потенциалов,

крыть доводы собеседников цифрами, историческими примерами и политическими аналогиями.

То есть работать экспертам пришлось в условиях жесточайшего цейтнота, как в условиях внезапно вспыхнувшей и неудачно развивающейся войны с малознакомым противником.

Здесь очень к месту пришёлся Федор Ферзен, обладавший всеми необходимыми качествами как раз для такой деятельности. Он очень хорошо проявил себя в польской кампании и при ликвидации «московского инцидента», где успел познакомиться, пусть и поверхностно, с положением дел в стане предполагаемого «союзника». Да и не просто союзника.

В последний перед днём судьбоносных переговоров вечер Вадим, в принципе довольный результатами работы своего «полевого штаба», пригласил Фёдора Фёдоровича посидеть с ним в том самом «извозчищем трактире» напротив храма Христа Спасителя, где состоялась их первая беседа после поступления Ляхова в Академию³³.

Тогда у них состоялся интересный разговор. Ферзен на семинаре по истории высказал мнение, что нынешнее государственное устройство и само послереволюционное существование России не соответствует основным принципам геополитики и даже «здорового смысла» в широком понимании. Проще говоря, тогдашний подполковник самостоятельно пришёл к выводу, что окружающая его реальность является в определённом смысле «химической». До тонкостей хронофизики и истинного устройства мироздания он, конечно, не додумался, но суть ухватил верно. Проанализировал все доступные ему источники и пришёл к выводу, что по всем предпосылкам и политико-психологическим раскладам в гражданской войне должны были победить большевики и установить свой «социализм». «Белые» не могли выиграть, при всей своей отваге и тактическом превосходстве, без полномасштабной интервенции вооружённых сил Антанты.

Этот вариант показался Ляхову довольно любопытным, как опытному шахматисту – неожиданный ход в давно известной, канонической партии. Тогда Ляхов ещё не читал соответствующих трудов из «параллели», не был знаком с деятельностью Шульгина на испанской гражданской войне 1936 – 39 годов. Иначе восхитился бы проницательности Ферзена, столь чётко реконструировавшего неизвестный ему «исторический симулякр», как некогда Кювье, наловчившийся восстанавливать полный облик динозавров по одной-единственной кости.

Сейчас, по прошествии достаточно долгого времени, они снова сидели за тем же столиком, даже заказали, кажется, то же самое.

– Ну вот, Фёдор Фёдорович, вы завтра, наконец, сможете наяву увидеть результаты того самого коммунистического «эксперимента». Всё у них *там* случилось совершенно так, как вы предположили. Я до нашей встречи понятия не имел ни о каких «параллельных реальностях», не мог и вообразить возможности их физического существования. Преклоняюсь перед изощрённостью вашего воображения и полётом фантазии...

– А не расскажете, если не секрет, как вам удалось в моей правоте убедиться? – спросил барон, поднимая зеленоватую гранёную рюмку. – О ваших приключениях в «боковом времени» все, кому положено, знают, а вот насчёт «прямого»? С самого начала...

– Некогда, Фёдор Фёдорович. Слишком долгий рассказ бы получился. А если в двух словах – не более чем слепой случай. Попал я необъяснимым до сих пор образом на перекрёсток времён, выжил, несмотря на крайнюю маловероятность такого события, и, более того, привлёк внимание людей, умеющих ходить по трём – и более мерным мирам, как мы с вами циркулем и курвиметром по топографической карте. «Боковое время», что вы упомянули, для них такая же частность, как физика Ньютона в сравнении с Единой теорией поля, которую никто до сих пор не создал. А «другая Россия» – вместе с нашей, заметьте – две рядом очутившиеся раковины на морском берегу...

³³ См. роман «Дырка для ордена».

Ферзен покрутил головой, будто воротник кителя стал ему внезапно тесен, хмыкнул непонятно в адрес какого высказывания Ляхова, предложил для успокоения выпить ещё по рюмке.

– Большой, – уточнил он.

– Да вы сами скоро всё своими глазами увидите, – продолжил Вадим. – И мир этот увидите, и людей. Раньше я не имел права говорить, но теперь уже можно. Вместе с нами на переговоры пойдёт лично Его Величество, и встреча состоится на *той* стороне.

– Ух ты! – Ферзен удивился, но не очень. Естественно, что первое лицо непременно должно скреплять своей подписью и рукопожатием акты государственного значения, однако барон считал, что непосредственная встреча вождей состоится на заключительном этапе, когда все принципиальные договоренности будут достигнуты. – Не слишком ли рискованно?

– То есть? Риска гарантированно никакого, это мы обеспечим...

– Не в том смысле. Представим, что переговоры закончатся неудачей. Это какой же урон самолюбию Государя! Зная его характер, можно ожидать вспышки неконтролируемых эмоций с самыми серьёзными последствиями...

– Ну, зачем этот пессимизм, Фёдор! Государь гораздо более здравомыслящий человек, чем это моментами представляется. Эксцессов не будет. Прежде всего потому, что лично я неудачу просто исключаю.

– Отчего же вдруг? – хитровато прищурился генштабист. – Если я правильно мыслю, подразумевается ведь самая банальная аннексия «дружественного государства», пусть и обставленная как братская помощь без малейшего посягательства на суверенитет...

Ферзен почти дословно повторил недавнюю оценку предстоящего самим Ляховым. Что ещё раз подтверждало – не зря они так легко и быстро нашли друг друга на первом курсе Академии.

– Вот этого я и опасаюсь, – серьёзно сказал Вадим. – Что подобная гипотеза придёт в голову и нашим партнёрам. Навредить сильно она не сможет, слишком легко опровергается и логическими доводами, и текстом договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который мы намерены предложить. Но осадочек может остаться, не спорю. Если противники соглашения грамотно разыграют эту карту, переговоры могут осложниться. Поэтому (для чего, собственно, я вас и пригласил) следует прямо здесь обсудить все возможные контрдоводы и гарантии, чтобы сразу пресечь любые выпады переговорщиков с той стороны в этом направлении. Там люди не глупее нас с вами соберутся. Вы знаете, в той реальности, куда мы завтра отправимся, имел место близкий по смыслу сюжет. В тридцать восьмом году Австрия, как и сейчас, была независимым государством, только ещё меньшим территориально. Союзники по Версальскому договору обстрогали её по самое некуда. А Германия как раз набирала силу и решила братскую Австрию присоединить в качестве обычной провинции Остмарк. Так самое интересное – более восьмидесяти процентов населения были «за». Аншлюс прошёл гладко. Антанта не возразила. Правда, канцлера Дольфуса, сторонника независимости, пришлось убить, но это на ход событий никак не повлияло. Правда, потом австриякам пришлось опять воевать на стороне Германии против Антанты, и конец был аналогичный, так это ж потом...

– Завидую вам, Вадим Петрович. Мало, что у нас в отличниках числитесь, так и историю параллельных миров назубок. Я бы тоже книги *оттуда* почитал...

– Закончим дело, назначим вас старшим военным советником при тамошнем начальнике Генштаба. Вот уж читаетесь... – как бы в шутку, но и с вполне прозрачным намёком сказал Ляхов, действительно считая, что вариант этот вполне приемлемый. В бывшей Советской, а ныне Российской армии давненько *природных русских немцев* на высоких постах не бывало. После умершего в 1950 году в тюрьме адмирала Галлера – кажется, ни одного. А зря. Как раз на штабной работе немцы себя хорошо зарекомендовали.

Ферзен намёк пропустил мимо ушей.

– Из ваших слов следует, что вы всё же считаете, несмотря на все гарантии, австрийский вариант вполне вероятным?

– Убивать их Президента точно не будем. А в остальном – отчего же нет? – удивился Ляхов. – Конвергенция почти неизбежна, без всякого насилия. Чтобы не утомлять вас плохой школьной латынью, скажу по-русски: «Благо народа – высший закон!» Мы и «лучшие люди» с той стороны настроены одинаково, я надеюсь. Мало кто упрётся исключительно из «чистых принципов». А что каждый свои идеалы и интересы станет отстаивать жёстко – нет сомнений. Наменять на грош пятаков в России всегда стремились, независимо из какой она альтернативы.

Но я о другом сейчас думаю, – сказал Ляхов, рассеянно глядя в окно. – О степени реализуемости наших проектов. На мой взгляд, начиная разыгрывать великокняжескую карту, вы находились в зоне гораздо большей неопределённости: правовой, психологической, юридической, военной, наконец. Я, честно сказать, в успех реставрации монархии долго не верил, да вы помните... Сейчас, в сравнении с тем временем, – всё достаточно прозрачно и просто. Вообразите, мы с вами – команда консультантов вельтмейстера перед решающей партией на мировом турнире. Противник известен, стиль его игры, теоретические предпочтения, темперамент. Мы с вами знаем наизусть сотни его партий, вошедших в учебники. Всего и делов – угадать, какими домашними заготовками парировать его седьмой, пятнадцатый и двадцать третий ход...

Ферзен понял, что он имеет в виду.

– У вас столь обширный объём разведданных? Вы имеете своих людей в окружении их Президента?

– Разведданные, естественно, есть, куда ж без этого? Вы аналитик, я разведчик «пар-экселленс»³⁴. Только психологию и замыслы противника придётся отслеживать «по факту», не шахматы у нас могут получиться, а классическое фехтование на шпагах без «пуандаре»³⁵, – ответил Ляхов, маскируя невольную усмешку поднесённой к губам рюмкой. Совершенно ни к чему говорить, что агтрианский шар позволял проиграть десятки вариантов поведения партнёра, выбрать из них наиболее вероятные по любому из заданных критериев, заготовить контрдоводы и антитезисы на любое президентское предложение или возражение.

«Туман войны»³⁶ затенял не более пятнадцати процентов поля предстоящего боя и распространялся лишь на непрояснённые глубины психики «противника» и спонтанные, вызванные неожиданными изменениями текущей обстановки реакции. Ну и пресловутое «трение» тоже предусмотреть было невозможно. Всё же остальное... Как говорил Остап: «На такие шансы можно ловить».

– Мы ведь с вами, Фёдор Фёдорович, последнее время несколько отдалились...

– Не по моей вине, – тут же вставил барон.

– О какой вине речь – исключительно стечение обстоятельств и пресловутый расклад. А сейчас наступил момент очередного сближения. Сие знаменует гармонию природы. Мне помнится, генеральские погоны в тридцать или около того лет вы считали неременным признаком состоявшейся карьеры. Теперь к этой цели мы близки, как никогда. Олег с определённой обещал и мне, и всем причастным. Со свитскими аксельбантами причём.

Похоже, он Ферзена не слишком удивил.

– Да и странно, если б иначе. Скобелев в тридцать пять уже полного генерала получил. Получится у нас – это ж поболее, чем какой-нибудь Туркестан для Империи завоевать.

Не поддержав эту посылку, Ляхов продолжил:

³⁴ По преимуществу (лат.).

³⁵ Пуандаре – предохраняющий от травм наконечник на острие колющего оружия (франц.).

³⁶ «Туман войны» – введённый Клаузевицем термин, означающий все те факторы, которые полководец не в состоянии знать и просчитать при подготовке сражения. От резкого изменения погоды до «насморка Наполеона».

– Только ведь тут, милейший барон, главное – не ошибиться в выборе приоритетов...

– Вы намекаете, Вадим Петрович, что главным в кампании предпочитаете видеть себя, а я и все другие-прочие должны на вас ориентироваться, считая Императора вторичной фигурой?

Ферзен всегда отличался проницательностью, развитым аналитическим умом и немецкой, остзейской конкретностью, сопряжённой с жёсткой практичностью и непреклонностью в достижении цели, несмотря на свою благодушную, обломовскую внешность, совсем не соответствующую облику предков, мрачных рыцарей Ливонского ордена.

– Не попали, Фёдор Фёдорович. Упаси вас бог завтра подобным образом промазать. Как говорят в артиллерии – на два лаптя влево...

Барон вдруг привстал, перегнулся через стол и почти прошептал, хотя их и так никто не мог услышать:

– Вадим Петрович, ну признайся – ты ведь сам «оттуда»? Очень всё хорошо в таком случае в схему укладывается. Прямо зеркально. И твоё внезапное появление у нас, и благоволение Императора, и твои способности. Не говорю уже про московские прошлогодние дела. Заслан ты к нам, чтобы завтрашний день подготовить! Диссидент ты тамошний. Допустим, вроде нашего Агеева. Своими силами не удалось у себя порядок навести, решили к нам обратиться?

Ферзен, отодвинув рюмку, налил себе и Вадиму сразу в фужеры. Уж очень ему показалась своя идея остроумной и сразу всё объясняющей.

Ляхов выпил и тут же рассмеялся искренне, от души. Больно забавно барон извратил доступные ему факты. Распространённая в философии и логике ошибка. Вывод, обращённый к посылке.

– Умный ты человек, Фёдор Фёдорович, а промазал сейчас крепко. Как некоторые, что не только в «десятку», в воздух не попадают. Если я «оттуда», зачем всё, сопутствующее моей здесь жизнедеятельности? Прежде всего, ничего бы не стоило придумать легенду, не требующую трёхлетнего, крайне трудоёмкого внедрения, связанного с массой рисков без всякой гарантии успеха. Далеко ходить не будем. Ваш заговор, попытки до сих пор неустановленных сил не допустить воцарения Олега, Московский путч, Берендеевка и Корниловская дивизия. Мы её сюда перебросили из третьей по отношению к нам и вам реальности, использовали, чтобы спасти Императора, втереться к нему в доверие и так далее, вплоть до сегодняшнего нашего вечера, а также и завтрашнего дня? Да ты пей, пей, Федя, я от тебя не отстану, чёрт знает, как хочется напиться по-настоящему, чтобы хоть один вечер не думать о «проклятых вопросах». А ведь приходится!

Дальше – будь я тем, что тебе вообразилось, с теми возможностями, что ты мне приписываешь, минуя десяток ходов и позиций, ввёл бы не одну дивизию, а три, весь добровольческий корпус, в «соседнюю» Москву, посадил на престол своего человека. Хотя бы и самого Лавра Георгиевича Корнилова, ему там едва пятьдесят пять исполнилось, юноша по нынешним понятиям для политика. Он бы навёл и справедливый, и демократический порядок, причём переместившись только вдоль временного потока, совсем не поперёк. И к чему в подобном случае такие сложные вариации, как ты себе вообразил?

Берендеевка – идеальная точка исторической развилки. Ты там не был, так у Миллера спроси. Я видел, как у войскового старшины слезы на глаза навернулись, когда корниловцы строевым шагом по плацу ударили. А ещё лучше тебе Уваров всё обрисует. Тот уж душой не покривит. Ты хороший штабист, Фёдор, но вообразить не можешь, что значит – с остатками роты безнадежно оборонять последний рубеж, глупо надеясь, что хоть взвод ему Миллер подкинет. И вдруг увидеть за спиной выходящую из леса цепями дивизию, которая штыковым ударом опрокинула и уничтожила врага, которому четверти часа не хватило, чтобы разобраться и с остатками наших войск, и с Олегом Константиновичем лично...

В этих условиях кто помешал бы генералу Берестину, герою Каховского сражения, и мне, разумеется, совершить прямо там государственный переворот или мирную передачу власти кому заблагорассудится? – Ляхов прервался, закурил, раза три подряд молча затянулся. Потом спросил: – Что, Фёдор Фёдорович? Не один ты умеешь неудобные вопросы задавать. Некая кавалерственная дама, там присутствовавшая, мне потом излагала свои дамские чувства. «Когда я увидела генерала Берестина, чеканящего шаг навстречу Олегу, я подумала: «С таким лицом и манерами идут убивать!» Через полчаса она сменила мнение на прямо противоположное.

Фон Ферзен задумался. Как положено немцу, думал долго. Вадиму даже стало надоедать смотреть на его глубокомысленное лицо. Но мешать он не собирался. По крайней мере, сигару можно выкурить спокойно. А сигары он использовал, чаще всего чтобы выглядеть солиднее и независимее и иметь возможность окутываться клубами ароматного, почти непроницаемого для посторонних взглядов дыма.

– Не имею возможности с тобой спорить, Вадим, – наконец произнёс барон. – Но ведь, если додумывать до конца, всё это бессмысленно, глупо, натянуто – как хочешь... Тебе лично я готов верить, как ты недавно поверил мне. Понимаешь – тебе лично. – Ферзен, то ли начиная проваливаться в глубины алкогольного любомудрствования, то ли имитируя это (что Ляхову казалось более достоверным), подскочил со своего места, пересел рядом с Вадимом и дружески обнял его за плечо. – Ну, вот давай ещё выпьем и договоримся – я твой верный паладин в любой предложенной ситуации...

Неужели барон настолько не понимает характера своего коллеги и якобы приятеля, что пытается так вот примитивно его подловить? Или действительно торопливо, не ожидая горячей закуски, принятые двести грамм так понесли боевого офицера? Непохоже. Даже среди своих начинаются игры? Ляхов поморщился.

– Федя! На какой хрен мне паладины? – Грубость в сочетании с лёгкой злостью в голосе – самое то. – Если, как ты вообразил, я способен повелевать мирами, воздвигать и рушить троны, перемещаться вдоль и поперёк времён – зачем мне ты, Олег, Чекменёв, вообще любой бессмысленно-смертный человек? Я вас могу даже не видеть среди туманных проявлений лишённой самосознания природы!

Сильно было сказано, как Вадиму показалось. И достаточно близко к истине. Но тут же он и смягчил посыл, после очередной рюмки водки, сноровисто налитой половым каждому из, на его взгляд, слишком раздражённых офицеров.

– Видишь, до чего договориться можно, если, вопреки уважаемому нами обоими монарху, начать бесконтрольно умножать сущности? И пить нам хватит – не для того ведь встретились. День завтра, как бы там ни было, обещает быть трудным.

...Переговоры с Сильвией Президент решил провести не в одной из своих резиденций, а на неприметной по нынешним временам даче в старомодно-уютном посёлке неподалёку от МКАД, принадлежащей Философу. Построенная в первые послевоенные годы для его деда по материнской линии, члена-корреспондента Академии медицинских наук, она наилучшим образом удовлетворяла требованиям конфиденциальности и безопасности. Именно тем, что ничем не выделялась из десятков подобных, расположенных на порядочном удалении друг от друга, с участками от гектара и больше, обнесённых не слишком высокими дощатыми заборами. В те времена развитого тоталитаризма проблемами безопасности творческие люди не слишком были обеспокоены – от «органов защиты пролетарской диктатуры» всё равно не спрячешься, если что, а бытовая преступность реальной опасности не представляла, поскольку посягательство на жизнь и имущество «государственных дачников» тянуло не на обычные год-другой, а на полновесную пятьдесят восьмую статью. Пункт – терроризм, от двадцати пяти лет до вышки, как прокурор взглянет. Оттого достаточно было держать сторожа-дворника-садов-

ника в одном лице, калитку запирает на щеколду и вполне полагаться на участкового милиционера в старшинском звании.

Сейчас, естественно, меры безопасности были несколько усилены, но не до «рублёвских» масштабов. Само собрание тоже не должно было привлечь излишнего внимания. Соседи давно привыкли, что почти каждый выходной сюда съезжались многочисленные компании: летом купаться в речке и плавать на байдарках, зимой кататься на лыжах со склонов глубоких оврагов.

В этот раз несколько машин с неприметными номерами, подъезжавшие с утра до полудня, тоже никого в ближних окрестностях не заинтересовали. Если бы даже кто-то от скуки проявил любопытство, узнать главу государства в одном из десятка примерно одинаково одетых «походному» мужчин едва ли было возможно, просто из-за невероятности такого допущения.

Сильвия с Императором, Секондом, Фёстом и сопровождающими лицами прибыли на довольно потрёпанном внешне, но подготовленном «ин леге артис» микроавтобусе «Баргузин» и вместительном, но ничем не примечательном джипе. Чтобы в пути не случилось задержек и недоразумений с ДПС, на переднем сиденье ехал приглашённый Фёстом «для обеспечения» полковник Службы собственной безопасности МВД, член «Чёрной метки».

Олег Константинович всю дорогу после перехода в параллельную реальность неотрывно смотрел в окно, жадно впитывая детали и подробности здешней жизни. По выражению его лица трудно было судить о реакции на способ перемещения в «иной мир» и окружающую действительность, а от каких-либо вопросов и собственных оценок он пока воздерживался. По привычке географа и этнографа предпочитал составить собственное, незамутнённое представление о «неведомой стране», в которой довелось очутиться.

Одет он был, как и большинство пассажиров автобуса, в высокие десантные ботинки и выцветший камуфляж, весьма удобно для похода за грибами в окрестные, довольно влажные, а местами и заболоченные леса. На поясе универсальный нож с тридцатисантиметровым клинком, под курткой в наплечной кобуре пистолет, больше для самоуважения. Не пристало первому дворянину империи ходить без оружия.

Одна Сильвия выделялась в мужской компании голубыми джинсами, заправленными в высокие замшевые сапожки, и элегантной курткой того же материала и цвета.

В километре и трёхстах метрах от поворота к даче «гости», не останавливаясь, отметились на импровизированных контрольных постах – первом, организованном Фёстом, втором – президентском.

Погода стояла самая что ни на есть благоприятная. И для прогулок по лесным тропинкам, и для дружеского застолья на обширной веранде. Ярко-синее небо, покрытое редкими белоснежными облаками, температура около двадцати градусов, лёгкий ветерок, пахнущий нагретой сосновой смолой и хвоей, полевыми цветами и боровой сыростью, пение птиц и жужжание пчёл.

Умели люди выбирать подходящие для отдохновения места, если и через полвека с лишним вокруг незаметно никаких признаков цивилизации, за исключением электрических столбов.

На веранде, открытой в сторону солнечной лужайки, а с боков густо заплетённой хмелем, Президент со свитой встретили первую в истории делегацию из другого мира. Ну, не так чтобы действительно первую – встречу Кортеса с каким-нибудь Монтесумой или древних египтян с древними же китайцами тоже можно провести по этому разряду. Но всё равно подобного события не случилось очень давно.

Президент догадывался, что для переговоров с ним прибудет весьма высокопоставленное лицо из «Комитета по защите реальности», скорее всего, сам «Великий Магистр», или «Гроссмейстер», хотя таких титулов ни Сильвия, ни Фёст не упоминали. Вообще не проводили параллели между своей организацией и рыцарским орденом. Но такое ощущение у него сло-

жилось, ничего не поделаешь. Считать того и другую «высшей инстанцией» у Президента не получалось.

Чтобы всё было естественно, приехавшие в разное время гости держались как обычно в подобных случаях. Знакомились, прогуливаясь по территории, до поры не упоминая должностей и чинов. Время от времени сосредотачивались у накрытого а-ля фуршет стола между тремя отдельно стоящими кряжистыми, не менее чем столетними соснами, обменивались мнениями о погоде и даче как таковой, благо было где прогуляться и на что посмотреть. Кое-кто, приняв по рюмочке крепкого или бокалу вина, заинтересовался великолепным бильярдным столом в специальной беседке. Тут же составила партия в американку, просто так, чтобы размяться и блеснуть умением попасть кием по шару и шаром в лузу, что не каждому доступно, невзирая на чины и звания.

Здесь, кстати, великолепно проявил себя барон фон Ферзен, скромно представившийся просто Фёдором. Благоразумия и умения применяться к обстановке ему хватало, чтобы в совершенно новом для себя мире не произносить лишних слов, слушать, о чём и как говорят «местные жители», одновременно демонстрируя собственные способности.

Раз язык общения здесь тоже русский, пусть и не совсем правильный, то хорошо образованному немцу нетрудно вести изящную, моментами остроумно-двусмысленную светскую беседу, несмотря на очевидную разницу в культуре и менталитете. А предварительно извиняясь, загонять в лузы такие шары, на которые никто и внимания не обращал как на совсем бесперспективные – это у него получалось ещё лучше.

Кроме того, мужчины из другого мира, окружавшие его, барону нравились. Может быть – именно какой-то особенной непринуждённостью, пусть и находились они в присутствии своего «сюзерена». И, живя в стране, категорически барону не нравящейся по массе параметров (исходя только из документальных данных, естественно), оставались безусловно достойными внимания и общения. Более того – ощущал Фёдор Фёдорович исходящую от них непривычную силу. Это, впрочем, понять было можно. Если вокруг тебя жизнь, невыносимая для нормального человека, а ты в ней не только живёшь, но и достигаешь чего-то – то заслуживаешь даже больше, чем обычного уважения. Может быть – преклонения, как перед вернувшимся с войны солдатом, увенчанным полным Георгиевским бантом и кое-чем сверх того.

Заодно барон тщательно сравнивал с этими людьми манеры, стиль речи и поведения Ляхова и убеждался, что действительно ошибся – Вадим, при самых выдающихся актёрских способностях, не смог бы замаскировать свою принадлежность к чужой реальности, хоть когда-нибудь невольно и не заметив этого выдал бы себя.

Сильвия же, на которую барон ещё на своей стороне мира обратил тщательное внимание, поскольку никогда раньше не видел женщин с такой мощной энергетикой (именно так, её красота Ферзена не слишком взволновала), умело маневрируя среди мужчин, словно бы невзначай оказалась рядом с Президентом.

Знакомы они были только «по телевизору», а теперь вот – заговорили наяву. Сильвия видела, сколько глаз направлено на них, включая и двух охранников, засевших на чердаке со снайперскими винтовками.

– Мы так не договаривались, – сказала она, чуть сжав пальцы на локте Президента.

– Вы о чём?

– Да о тех ребятах, что шупают перекрестьями наши спины. Меня это слегка раздражает. А вас нет?

– Не совсем понял. – Президент на самом деле был удивлён.

– Что тут понимать? Вы и здесь себе не хозяин. А это очень плохо. Король Ричард Львиное Сердце, при всех своих недостатках, обходился без прикрывающих его снайперов. И император Александр Второй считал зазорным... А ваши «охранники» посадили на чердаке двух парней с «СВД», как будто это может что-то решить и от чего-то уберечь. Смешно, право...

– Как?! Да я немедленно..

– Оставьте, мой друг, – Сильвия легко и серебристо рассмеялась. – Не пытайтесь показать себя круче, чем вы есть. Пусть каждый пьёт из своего стакана, как говорят французы.

И впервые назвала его по имени-отчеству, а не по должности. От этого Президент ощутил непривычную ему близость к мало того, что посторонней, но и внушавшей ему сильную опаску женщине.

– Да не нервничайте вы так, – сказала Сильвия. – Всё гораздо проще, чем кажется. Ваших (или не ваших) снайперов я могу нейтрализовать прямо сейчас. Массой способов. Хотите – они заснут, не выпуская из рук винтовок, или спустятся вниз, доложив нам, кто и зачем назначил их на это дело... Всё равно это пустяки. Послушайте лучше, в какой интересной жизненной ситуации вы оказались...

Она, пользуясь его растерянностью, под локоть повлекла Президента, очевидным образом утратившего свою должностную харизму и нечувствительно превратившегося просто в обыкновенного мужчину средних лет, полностью подчинившегося воле женщины, в заплетённую плющом беседку. Физическая красота – дело десятое, он подчинился ей по совсем другой причине.

– Так что вы хотите мне сказать? – отчего-то плохо повинующимися ему губами спросил он.

– Ничего особенного. Только лишь – расширить круг ваших представлений...

И начала излагать ему теорию о двух параллельных Россиях. Одна из которых – эта, где они сейчас пребывают, а соседняя – совсем другая... Вполне подробно Сильвия всё рассказала и, на её взгляд, убедительно.

– Так это вам нужно обсуждать не со мной, а с моим другом Писателем. Он как раз на подобных темах специализируется... – Президент по-прежнему пытался сохранять здравомыслие, пусть это и не слишком удачно у него выходило. Есть пределы у каждого...

– С ним тоже поговорю. Но отчего вы так демонстративно мне не верите? Что в моих словах вам кажется глупым, нелогичным, абсурдным, наконец? Вы помните «свою» историю? А хорошо ли помните? Например, апрель тысяча девятьсот восемнадцатого года?

– А что произошло в том апреле? – Лицо Президента выразило искреннее недоумение.

– Плохо вас учили, ваше превосходительство, – голос Сильвии выразил долю пренебрежения, что Президент почувствовал сразу.

– Подзовите вон того молодого человека. – Она указала рукой на Ляхова-Секонда. – Он наверняка сообщит вам, что это за дата... Да и ещё кое-чем сможет правоту моих слов подтвердить.

Секонд подошёл, повинувшись жесту Президента, подтверждённому разрешающим кивком Сильвии.

– Вот, Вадим Петрович Ляхов, полковник гвардии, флигель-адъютант Императора и многих орденов кавалер... Кстати, одновременно слушатель Военно-дипломатической Академии. Вадим вежливо наклонил голову.

– Скажите, Вадим Петрович, чем знаменит апрель восемнадцатого года в *моей* реальности? – спросил Президент, понимая, что подчиняется чужой воле, но, как ни странно, не испытывая от этого никакого дискомфорта. Ему на самом деле было интересно – готов ли этот симпатичный молодой офицер *навскидку* ответить на достаточно неожиданный вопрос. Если он, конечно, не входит в *домашнюю заготовку*.

– Единственное, что приходит в голову, – неудачный штурм Добровольческой армией Екатеринодара и гибель в бою генерала Корнилова, – продемонстрировал Ляхов знание не только своей истории.

– А у вас? – Президент на самом деле заинтересовался. Сейчас он вдруг перешёл на уровень своей давней уже аспирантской и преподавательской деятельности.

«Студент» ему попался способный и эрудированный.

– Естественно – всё наоборот. Снаряд лёг перелётом, генерал выжил, Екатеринодар был взят, кубанское и терское казачество в массовом порядке признало Лавра Георгиевича своим Походным атаманом и Верховным Правителем. Отступающая от Эрзерума и Трапезунда Кавказская армия тоже решила организованно перейти на сторону «Добровольцев». Ну и так далее.

– Спасибо, Вадим Петрович, – сказала Сильвия, совершенно с тем выражением лица, которое могла бы сделать преподавательница, проверяемая комиссией министерства образования на предмет завышения оценок своим ученикам. – А теперь не затруднитесь показать нашему гостеприимному хозяину свой документ.

Слегка удивившись, Ляхов протянул Президенту Служебную книжку слушателя Академии с вложенной в неё выпиской из Рескрипта о назначении его флигель-адъютантом Государя. Со всеми должностными правами и привилегиями.

Президент прочёл все до единой строчки документов, исполненных на гербовой бумаге и заключённых в обложку из ярко-зелёного (совсем не красного, как *здесь* принято, сафьяна), выполненные причудливым писарским почерком. Вернул владельцу, слегка пожав плечами:

– И что это доказывает? Насколько я знаю, даже грамота наследника дома Романовых стоит в Интернете не слишком дорого...

– Ну, ваше превосходительство! Не настолько же вы плохо о нас думаете, на самом-то деле. Вы пока свободны, Вадим, извините за беспокойство. Кстати, что касается произнесённого вами имени, – вновь обратилась она к Президенту, – вон тот мужчина, представившийся вам Олегом Константиновичем, как раз и есть наследник того самого дома, он же – действующий Император Российской империи, коронованный самым законным образом.

Она указала рукой на Олега, только что с треском загнавшего почти безнадёжный шар в лузу в поединке с Ферзенем и довольно засмеявшегося.

– Его Императорское Величество, прекрасно понимая важность сегодняшней встречи, благосклонно согласился принять в ней участие. Пока инкогнито, но назовёт себя, если будет уверен, что не станет объектом насмешек с вашей стороны и со стороны ваших друзей. Подобное неуважение может стать причиной больших неприятностей... Как вы понимаете, удостоверения с указанием занимаемой должности он при себе не носит. И верительных грамот сам себе не выписывает. Так как?

– Для кого – неприятности? – спросил Президент, с удивлением ощущая, что, похоже, готов поверить прекрасной даме. Независимо от своего характера, поста и привычки общаться с главами государств, в том числе и женского пола (но ни одна из дам-президентш, канцлерш и премьерш рядом с Сильвией не стояли по любым критериям), Президент ощутил некоторую дрожь, в доли секунды пробежавшую по его организму. Вроде как в школьные годы при взгляде на старшеклассницу, признанную королеву красоты. Это чувство вызвало у него раздражение собой и немедленную обратную реакцию.

– Вот именно – для кого? – повторил он, явно проигрывая темп. – Не для меня же, если, пусть на мгновение, я вам поверю...

– Конечно, в данный момент лично вам беспокоиться не о чем. Верить – не верить, это вопрос глубоко личный. Государь весьма терпимый и деликатный человек и никоим образом своего неудовольствия *вами* не выкажет. Надеюсь, устроители переговоров с нашей стороны тоже не слишком пострадают. Хотя... Вот как бы вы, в служебной обстановке, отнеслись к людям, ответственным за сорванный визит вашего американского коллеги, предположительно – судьбоносный?

При взгляде в её глаза, да и в сторону так называемого «Императора» Президент вдруг подумал: «А что, если Сильвия всё же говорит правду? Абсурдную, но тем не менее...»

Пожалуй, Сильвия всё же совершила ошибку. Президент только-только созрел для того, что поверить в существование «Комитета защиты реальности» и имеющейся у него аппаратуры, но именно как в феномен автохтонный³⁷. О существовании параллельных реальностей с почти аналогичными историей, населением, культурой, и уж тем более – второй Россией, почти сто лет назад избравшей иной путь развития и успешно по нему идущей, речи не велось. А это коренным образом меняло ситуацию. Одно дело – заключать союз с могущественной, но всего лишь группой, совсем другое – с Державой, превосходящей Российскую Федерацию численно, территориально и, скорее всего, экономически. Очень вдруг понятна ему стала позиция лидеров нынешней Украины, к примеру. Да и пример «союзного государства» ФРГ и ГДР.

Проще говоря, ситуация мгновенно развернулась на сто восемьдесят градусов. И все предыдущие «дипломатические заготовки» потеряли смысл. Придётся импровизировать на ходу, или – прервать встречу, взять тайм-аут для консультаций.

– Хорошо, – ответил Президент после паузы. – Будем считать – сейчас я выступаю фактически как частное лицо. И, похоже, совершаю очередную глупость, поддавшись вашим... Вашим...

– Фокусам, вы хотите сказать, – помогла ему леди Спенсер. – Или, если угодно, – «чарам». Скажите ещё – «провокациям». Каждое слово будет по-своему верным. Я прямо-таки и не знаю, чем вас убедить. Что бы я ни говорила, вы заведомо настроены негативно и приложите все душевные силы, чтобы сохранить в неприкосновенности свои предрассудки и то, что вы называете «здравым смыслом». Вот разве что... Это запрещённый приём, но – другого выхода просто нет! Подзовите сюда человека, здравомыслию которого вы наиболее доверяете. Я не хочу говорить без свидетелей, иначе любые мои слова вы истолкуете в прежнем ключе.

Президент огляделся. Ближе всех к нему находился Журналист. Что ж, его здравомыслию он действительно доверял. А также чутью, политическому и, так сказать, общечеловеческому.

– Толя, можно тебя на минуточку?

Журналист подошёл, выражая на лице искреннюю радость по случаю представившейся возможности лично приложиться к ручке роковой (такое определение мелькнуло у него в мыслях) красавицы, за каждым жестом и словом которой он наблюдал с первой секунды её здесь появления. Можно сказать и больше – он эту Сильвию уже целый час физиологически *вожделел*, безуспешно пытаясь убедить себя, что смешно в его возрасте так реагировать... Да и на что? Кокетства ноль, тело полностью прикрыто, хотя очертания фигуры, стройность ног, грация пантеры способны возбуждать не меньше, чем пляжное бикини, даже и топлес... Но здесь, скорее, дело в мимике, глазах, интонациях. Так какая в них должна быть эротическая сила?

– Видите ли, Анатолий, – она улыбнулась до невероятности лучезарно и интригующе, – ваш друг позволил себе усомниться в моей искренности и правдивости...

– Да как можно?! – едва не ужаснулся Журналист, одновременно незаметно подмигивая Президенту невидимым Сильвией глазом: я, мол, сыграю как надо, не сомневайся, пусть пока и не знаю, в чём моя роль должна заключаться...

– Видите – можно. Ваше общество, не здесь присутствующие, а вообще, в глобальном смысле, слишком уж успешно *прогрессирует*. В процессе этого «прогресса» отказалось от понятий чести и благородства в пользу так называемой «политкорректности». У нас совершенно невозможно усомниться в честном слове человека своего круга, тем более – титулованной дамы. У вас же, как я неоднократно имела возможность убедиться, всё наоборот. Неприлично говорить правду, если она способна причинить малейший дискомфорт. Даже в делах государственной важности.

При этих словах лицо Сильвии приобрело выражение надменное и почти угрожающее.

³⁷ Автохтоны (*греч.*) – виды организмов, которые со времени своего возникновения обитают в данной местности, характерны для неё.

– Вы не так меня поняли... – Президент ещё недостаточно долго занимал свой пост, чтобы полностью утратить способность к естественным человеческим реакциям.

– Так, так, – отмахнулась Сильвия. – И за это будете наказаны. На глазах своего друга. Я не мужчина, к сожалению, на дуэль не вызову, но и меня нельзя обижать безнаказанно.

Никто не успел сообразить, как именно следует реагировать на эти слова, прозвучавшие отнюдь не шутливо.

«Чёрт её знает, – мелькнуло у Журналиста. – Вдруг всё подстроено, и она сейчас выхватит пистолет, а то и замкнёт контакт пояса...»

Но обе руки Сильвии были на виду, она вертела в пальцах тонкий золотой портсигар, на крышке которого вспыхивала водопадами искр драгоценная монограмма.

– Я закурю, – сказала она совершенно другим, мягким, чуть ли не просительным тоном, щёлкая рубиновой кнопкой. И явственно подмигнула Журналисту. Он машинально сунул руку в карман за зажигалкой.

...Сильвия уже поняла – никакими словесными доводами ей не удастся убедить Президента в истинности своих слов, и личное присутствие Олега ничего не меняло. По крайней мере – сегодня. Если человек заиклен на какой-то идее, в данном случае идее против него направленной мистификации, то переубедить его так же трудно, как шизофреника в нелепости его бреда. Иногда, правда, помогает нечто вроде электрошока.

Значит, его и надо использовать. Не в буквальном, конечно, смысле. Просто – устроить небольшую демонстрацию. Приём был стандартный, требующий минимальной предварительной настройки блок-универсала. Таким же образом она однажды перебрала Новикова из своего английского поместья на Таорэру. Сегодня процедура была гораздо проще, дистанция не десятки парсек, а столько же километров, и без какого-либо межвременного смещения. Переместиться нужно в синхрон аналогичной реальности, через барьер толщиной в несколько хроноквантов. Не сложнее, чем переход из комнаты в комнату на Столешниковом.

Сильвия заранее выставила координаты, всего лишь двухметровый радиус захвата, достаточный, чтобы в зоне переноса оказались только они трое. Нажала рубиновую кнопку защёлки.

Проморгавшись после ослепительной вспышки тьмы, Президент с Журналистом увидели, что они стоят не на зелёной, тщательно подстриженной лужайке, а на диабазовой брусчатке Красной площади рядом с собором Василия Блаженного. Место было выбрано так удачно, что их появление в затенённой нише храмового цоколя никто не заметил. А если кто-то из проходивших вдалеке, вдоль фасада ГУМа (то есть здесь – Верхних торговых рядов), москвичей или гостей столицы и взглянул случайно именно в этот момент в их сторону, наверняка подумал, что женщина и двое мужчин только что вышли из-за ближнего угла.

– Всё нормально? – заботливо спросила Сильвия у Президента и его друга. – Не тошнит?

Те вертели головами в полном ошеломлении. Переход из мира в мир не вызвал у них неприятных физических ощущений, да и психологический шок пока не случился. Слишком всё произошло внезапно.

– Это что было? – первым раскрыл рот Журналист.

Президент нашёл в себе силы сохранить положенную должностью выдержку.

– Это то, о чём я и говорила. Нельзя настолько не верить даме и союзнику. В противном случае рискуете оказаться в неудобном положении. Ладно, извинений я от вас не потребую, вы и так достаточно наказаны. Видите ли, Анатолий, – через Журналиста доносить до Президента свои слова и эмоции ей казалось правильнее в смысле субординации. Кроме того, она знала об обрушившемся на мужчину приступе почти детского эротического восторга, как у школьника, подсмотревшего, как раздевается за кустами на пляже его первая любовь. Сильвии не составило труда вызвать у Журналиста подобную реакцию: ей нужен был человек, который,

пережив такое, и впредь будет подсознательно поддерживать её, а не чью-либо другую точку зрения и в далёких от личных симпатий и антипатий вопросах.

– Я несколько минут назад осмелилась изложить истину, которая была воспринята неадекватно ввиду чрезмерной зашоренности вашего мышления. Хотя, казалось бы, чего проще? Во Вселенной существует бесчисленное множество обитаемых миров, за подобное утверждение Джордано Бруно сожгли ещё пятьсот лет назад. Некоторые из них находятся от нас в сотнях световых лет, другие – на расстоянии вытянутой руки. И населены не монстрами негуманоидными, а неотличимыми от нас людьми. В чём вы имеете возможность убедиться. Прошу...

Она обвела широким жестом панораму Красной площади и окружающих её зданий, группы и группки праздно озирающих кремлёвские стены и башни туристов, простых москвичей, спешащих по своим делам.

Гости, постепенно приходя в себя, увидели картину одновременно знакомую и невероятно чуждую. Шпили башен, увенчанные вместо звёзд двуглавыми орлами, городского в чёрной с красной отделкой форме на углу Хрустального переулка, одежду мужчин и женщин, автомобили незнакомого облика, рекламные щиты на фасаде Торговых рядов, отсутствие многих известных зданий в окружающей панораме и многое другое. Достаточно, чтобы понять – мир вокруг действительно чужой.

– Мне кажется, вы поступили опрометчиво, – сказал Президент, сосредоточившись совсем не на том, на чём следовало бы. Может быть – в качестве психологической защиты. – Представьте, какая сейчас поднялась суматоха в связи с нашим исчезновением. Я опасаюсь – вашим друзьям придётся очень непросто.

– Ах, оставьте. Был, кажется, во времена вашей молодости такой анекдот: «В Политбюро тоже не дураки сидят. Всё предусмотрено. На Солнце полетите ночью». Так и у нас. Чудеса техники и хронофизики простираются настолько, что мы вернёмся буквально через несколько секунд. Большинство *ваших людей*, – она подчеркнула это интонацией, – вообще ничего не заметят, кроме, может быть, не слишком яркой вспышки, которую вполне можно счесть солнечным бликом. *Наши*, само собой, в курсе...

– Вы уверены?

– Какое ещё чудо техники требуется совершить, чтобы вы перестали задавать подобные вопросы? – ледяным тоном спросила Сильвия, прищурившись. – Может быть, желаете из ложи бенуара полюбоваться на звезду Бетельгейзе? Правда, будет не очень комфортно, она в восемьсот пятьдесят раз больше Солнца...

– Извините, Сильвия Артуровна, я опять сказал не подумав, – склонил голову Президент.

– Принимаю. Теперь – краткий инструктаж. Мы с вами прогуляемся несколько кварталов вверх по Тверской. Если угодно – можно и по Охотному ряду, и в сторону Арбата. На ваше усмотрение. Посмотрите. Купите свежие газеты – вам будет интересно. Можно где-нибудь на веранде трактира попробовать местного пива. Средствами я располагаю, – снова улыбнулась она. – По поводу своей безопасности можете быть совершенно спокойны. Документы здесь предъявлять не нужно, многие вообще давным-давно забыли, для чего они, если за границу не выезжать. От вон того городского, – она указала на дюжего, но благообразного унтера с несколькими медалями на кителе, при револьвере и шашке, – пользы и помощи гражданам больше, чем от целого райотдела милиции у вас.

Президент предпочёл не реагировать на очередной выпад, а Журналист едва заметно улыбнулся. Он жадно осматривался по сторонам, сознавая, что началось самое яркое в его жизни приключение. И, как он понимал, далеко не последнее. Повезло репортёру, как никакому другому в писаной истории...

– И – главное, – закончила Сильвия, – держитесь ровно и спокойно. Вы теперь рядовые граждане Российской империи. О своём положении *дома* временно забудьте. Здесь на улице

и наследник Престола правовым статусом ничем не отличается от дворника или разносчика папирос. От меня не отставайте. Если потеряетесь, я вас найду, конечно, но лучше держитесь в пределах шаговой доступности. Вот и всё, пожалуй. Так куда идём?

Президент со странным чувством посмотрел на кремлёвские стены.

– Ну, давайте по Тверской...

Вздыхнул и двинулся через необъятную площадь, отчего-то избегая слишком близко подходить к местным жителям. Из суеверности, что ли?

Своим обликом они с Анатолием и Сильвия не слишком выделялись среди народа. Именно так никто здесь не одевался, но если предположить, что они – путешественники, хоть из-за рубежа, хоть из отдалённых провинций, – вполне сойдёт. Любопытство к окружающим в Москве не было в ходу. Каждому хватало своих забот, и внешность посторонних не являлась предметом обсуждения. Лишь бы она не оскорбляла «общественную нравственность». А этого не было.

Часы на Спасской башне пробили одиннадцать. В другой тональности, чем дома. Оно и понятно: в эти куранты большевистские снаряды не попадали, восстанавливать и переналаживать механизм не пришлось.

На месте гостиницы «Москва», стремительно снесённой и так же быстро выстроенной заново Лужковым, протянулся трёхэтажный корпус старого «Гранд-отеля». Журналист, увидев газетный киоск, немедленно обратился к Сильвии вопросительно-просящий взор. Она протянула ему жёлтый горизонтально-продолговатый рубль, размером с эрэфскую пятачку.

– Хватит, хватит, не бойтесь...

Анатолий жадно взял с прилавка «Речь», «Русское слово», «Новое время», ещё несколько многостраничных изданий, включая даже «Ведомости Московского градоначальства», которые здесь никто не читал, за исключением лиц, напрямую зависящих от деятельности этой административной структуры. После этого получил сдачу несколькими серебряными гривенниками и медной мелочью.

– Вот истинная свобода средств массовой информации, – то ли в шутку, то ли всерьёз сказал он, неизвестно к кому обращаясь.

– Что, у нас меньше? – отреагировал Президент.

– Я о ценах. Три копейки номер, а не двадцать рублей. А какая у вас здесь средняя зарплата?

– По способности. Я не очень вникала, я ведь тоже нездешняя. Но на рубль дня три прожить можно. И в трактире выпить-закусить. А пожелаете в «Националь», – она кивнула на здание напротив, – в четвертной едва уложитесь.

– «Четвертной» – это двадцать пять? – уточнил Журналист. – Как и у нас при Советской власти?

– И как до революции тоже. Он же «Сашенька» – по портрету Александра Третьего.

– Устойчивая валюта, цены практически те же, что сто лет назад...

– Надеюсь, теперь вы окончательно поверили, что вокруг вас не декорации, и газеты я специально для вас у себя дома на ксероксе не печатала, – не упустила случая снова уязвить своих «кавалеров» леди. – Что касается «устойчивости» – это тоже вопрос государственной воли. Соблюдайте постоянный паритет бумажных денег к золотовалютным резервам в пропорции два к трём – у вас и тысячу лет инфляции не будет...

Сказано как бы в пространство, но Президент намёк понял. Однако промолчал. Сильвия наблюдала за ним очень внимательно, опыта хватало. Держится «молодой человек» неплохо, психика устойчивая. Ни одного по-настоящему лишнего слова или жеста. Но внутри напряжён до предела. Тоже понятно. Это Журналисту просто интересно, тот по типу же куда ближе к Ляховым и старшим товарищам по «Братству». Так те – парни от природы «отвязанные», экзистенциалисты в чистом виде. Никаким посторонним факторам не подверженные, кроме

собственных убеждений и в этих понятиях трактуемого «долга». Долго ей пришлось привыкать и подстраиваться, чтобы её признали за свою. И удивительно, подобное признание было бывшей аггрианке дороже всего, случавшегося в предыдущей жизни.

Президенту, конечно, труднее. Скажи ему сейчас, что возврата не будет и придётся навсегда обустроиваться здесь, он наверняка не растеряется и не потеряется, но пока ощущает себя не частным лицом, а воплощённой в теле смертного «функцией».

По сторонам тем не менее смотрит с интересом, наверняка продолжая просчитывать: не «подстава» ли? Ради такого, как он, все враждебные силы могут сосредоточиться, чтобы... Чтобы что? С помощью гипноза и тому подобных средств создать у него иллюзию реальности окружающего? А зачем?

Она так его и спросила негромко, пока Журналист впитывал ауру иного мира.

– Если вам тяжело, можем вернуться прямо сейчас. Зайдём в ближайшую подворотню или подъезд. У вас, наверное, давление сильно подскочило, и пульс частит...

– Нет, спасибо, мне очень интересно. Давайте дойдём хотя бы до Маяковского. И действительно пива выпьем, там, где студентами пили. Сохранились те точки, или всё окончательно иначе?

– Честно говоря, не в курсе. Я по пивным как-то не очень. Ни в юности, ни сейчас. Но что-нибудь подходящее найдём непременно.

И нашли, конечно – слева по ходу, позади памятника Пушкину, стоящего напротив привычного места. Отсутствие на площади редакции «Известий» и кинотеатра «Россия» при наличии Страстного монастыря гостей не очень удивило – видели старые фотографии и кинохроники.

– Неплохо, очень неплохо, – сказал Журналист, сделав глоток из массивной фаянсовой кружки, поскольку пивная была немецкая, закусил ржаным бубличком, покрытым крупными кристаллами соли. – Я бы, например, с целью изучения действительности охотно задержался здесь на сутки, двое... Как, не возражаешь отпустить меня в «творческую командировку»? – полушутливо спросил он Президента.

Тот был погружён в задумчивость и отреагировал серьёзно:

– Ты действительно так легко к этому относишься? Пришли, погуляли, вернулись...

Не заботясь об имидже, попросил у Сильвии сигарету, прикурил чуть торопливее, чем следовало, нервы всё-таки не железные, да и некому сейчас хладнокровие демонстрировать. С точки зрения аггрианки, это было правильно.

– Желаете с моей стороны театральных эффектов? – пожал плечами Анатолий. – Не вижу оснований. Только что мироздание приоткрылось ещё одной стороной. Ну и что? Мир не рухнул... А, чёрт! Ядерный чемоданчик!

До него только сейчас дошло. Как ни относиться к чудесам и парадоксам природы, факт налицо – Президент здесь, чемоданчик – там. И между ними – непреодолимая никаким мыслимым способом пропасть. Ничего другого врагам, хоть внутренним, хоть внешним, и не нужно. Чемоданчик – там! То есть – неизвестно где.

– Господа, да будьте же вы мужчинами, – с усмешкой сказала Сильвия, вместо пива поднося к губам рюмку коньяку за неимением в заведении джина. – Я сказала – через полсекунды *того* времени вы окажетесь дома. В случае присутствия с моей стороны враждебных намерений вы просто бы не существовали уже (не знаю, правда, зачем бы это мне, нам могло потребоваться?). Выкуп за вас взять? Чем? Нет в России, да и на всей Земле ничего такого, что мы не могли бы взять без дешёвой театральщины. Посадить на ваш, господин Президент, престол другого человека? Смысла ещё меньше. Да расслабьтесь вы, поживите хоть десять минут спокойно, получите от пива и новых впечатлений удовольствие. Полюбуйтесь на местных девушек

и женщин – когда ещё придётся. И, пожалуйста, ревну а ну мутон³⁸. Можем прямо отсюда, а можем из деликатности, не шокируя аборигенов, вон из того дворика напротив...

...Левый снайпер на чердаке, державший в перекрестье прицела спину Сильвии, непроизвольно дёрнул головой, выпуская цель из поля зрения.

– Бл...

– Что такое? – спросил правый.

– Глаз засветило. Точно лазером по стёклам мазнуло. Тебе как?

– Блымснуло что-то, но слегка. Детишки зеркальцем балуются?

– Ярковато, до сих пор пятна мелькают... Ты смотри, смотри...

Затея Контрразведчика была дурацкой, как и многие другие идеи и решения этого ведомства. Чем могут помочь снайперы в случае покушения на «охраняемое лицо»? Абсолютно ничем. Разве что стрелять куда придётся *после случившегося*. До инцидента – бессмысленно.

Вот как и сейчас. Совершенно случайно вспышка, сопровождавшая переход, через оптическую ось прицела почти ослепила снайпера. Хорошо, не выстрелил от неожиданности, а то мог бы попасть в кого-то из гостей, беспорядочно перемещавшихся вдоль линии огня.

Сильвия хоть и сдержала своё слово, но с опозданием на целых три секунды. Все трое оказались практически на том же месте, но развёрнутые на сто восемьдесят градусов. Принцип неопределённости Гейзенберга, ничего не поделаешь.

Зато короткий обмен мнениями между снайперами впоследствии не позволил им правильно оценить интервал времени – полсекунды прошло, полторы или три.

– Протёр глаза? Всё, не отвлекайся, – сквозь зубы бросил правый снайпер. Ему тоже показалось несколько удивительным случившееся. Только что он наблюдал «предполагаемую цель» и «охраняемое лицо» в фас, а теперь – наоборот. Но здравый смысл, необходимый людям их профессии, не допускал излишних фантазий. Повернулись – значит, повернулись в тот момент, что они отвлеклись на вспышку и посторонние слова. Ничего ведь не случилось. Президент – вот он, там, где и был, и его приятель, и странная (вот именно так и подумал старший лейтенант – «странная») женщина. Докладывать «наверх» не о чем. Но вот задуматься...

На двадцать километров впереди – сплошной лесной массив. С любого дерева можно послать световой импульс, способный ослепить снайпера. Но зачем? Если цель – «охраняемое лицо» и кто-то имел намерение его убить, это бы уже было сделано. Без всяких игр с солнечными зайчиками. Банальной ракетой с осколочно-фугасной головкой. Как Джохара Дудаева. Но подобный вариант уже за пределами «оперативной задачи». На этом стрелок и успокоился. Если дальше ничего не случится и их снимут с поста по миновании надобности – проще всего забыть о «непонятном». Мало ли в природе всяких «атмосферных» явлений. Но пока что нужно удвоить бдительность и немного сменить позицию. Он отодвинулся на метр в сторону, продолжая выполнять своё совершенно бессмысленное задание.

Сильвия ободряюще кивнула своим спутникам. Мол, вот видите, всё получилось так, как я обещала. При этом, маскируя острый взгляд ресницами, продолжала наблюдать за Президентом. В отличие от Анатолия, воспринявшего «прогулку» с огромным удовольствием, верой и жадной новых приключений, Президент был напряжён и мрачен.

Да и как же, по большому счёту, иначе? Достоевский, кажется, написал: «Если Бога нет, какой же я штабс-капитан?» Так и здесь: «Если у вас есть параллельная Россия, какой же я теперь Президент? И главное – чего?»

³⁸ Вернёмся к нашим баранам (*франц.*).

Глава пятая

Сильвия убедилась, что их кратковременной отлучки никто не заметил, даже Фёст с Секондом. На это и был расчёт: если она бралась за дело, то предпочитала сохранять в процессе его исполнения инициативу, а также и обладать максимумом недоступной другим информации. Такая тактика обычно обеспечивала несколько дополнительных степеней свободы поведения.

Президенту и Журналисту она коротко шепнула, чтобы о случившемся с ними пока молчали и ничему предстоящему тоже не удивлялись.

– ...Ну так что, господа, – громко сказала Сильвия, поднимаясь на веранду, – познакомились, настроились? Пора и к делу.

Пусть она не была хозяйкой дачи, но хозяйкой положения – безусловно. А также и инициатором этой встречи. А ещё – единственной дамой в мужской компании. Не говоря уже о том, что в подобных дипломатических играх она имела куда больший опыт, чем общая продолжительность жизни любого из присутствующих.

Президент кивком подтвердил, что не возражает. Его друзья сразу заметили его непривычную скованность, но отнесли это на счёт важности момента. «Руководитель» сосредотачивается.

«Высокие договаривающиеся стороны» разместились по обе стороны длинного стола согласно протоколу. Стенографистки, естественно, не было, но с общего согласия был включен высокочувствительный диктофон.

Президент представил своих коллег и помощников, с указанием качества, в котором они здесь присутствуют. То есть как лиц совершенно неофициальных. Группа советников и консультантов, не более того.

– Как всем должно быть очевидно, – подчеркнул он, – мы собрались исключительно в частном порядке. Просто для того, чтобы посмотреть друг другу в глаза и обсудить доверительно вопросы, могущие иметь для нашей страны исключительное значение. Как в позитивном смысле, так и наоборот...

Сильвия, в отличие от него, сразу взяла быка за рога.

– Мы находимся в несколько ином положении и правовом статусе. Среди нас нет экспертов и консультантов. Часть присутствующих занимает вполне конкретный пост в той организации, которую мы, для простоты и удобства, назвали «Комитетом защиты реальности». Сама по себе организация является неправительственной, внесистемной, добровольческой и так далее. Но при этом, по ряду причин, вполне может рассматриваться и с совершенно иной точки зрения. Например, по аналогии с одним из рыцарских орденов, наш «комитет» также не является элементом государственного устройства, но вполне сравним по значимости и возможностям с той же администрацией Президента.

«Советники и консультанты» изобразили то, что в стенограммах принято обозначать значком «оживление в зале».

– Остальные члены нашей делегации пока что являются просто наблюдателями. С вашего позволения, свои, так сказать, «верительные грамоты» они вручат несколько позже. Прошу прощения, но у них есть основания некоторое, очень недолгое, время сохранять инкогнито... Так что нашу группу можно расценивать в качестве посредников, равноудалённых от каждой из сторон...

Заявка красавицей была сделана неслабая, в некотором смысле даже вызывающая. О сути, роли и месте в истории рыцарских орденов все имели понятие, но как-то несерьёзно выглядело здесь такое самопредставление со стороны нескольких человек, пусть и овладевших

чудесным техническим средством, но всё равно ничтожной в сравнении с государственной машиной. Любая, к примеру, террористическая организация, имеющая на вооружении самую современную технику, включая и ядерное оружие, всё равно заведомо проиграет, если начнётся тотальная и бескомпромиссная война на уничтожение.

Другое дело, что такого развития событий никто не хотел, и большинство присутствующих с президентской стороны ориентировалось на то, чтобы каким-то образом поставить «Комитет» с его возможностями на службу собственным интересам. То есть государственным, конечно!

– Спокойно, господа, спокойно. – Сильвия включила очаровательнейшую из своих улыбок, которая, впрочем, не замаскировала завораживающе-давящего взгляда. – Ход ваших мыслей мне ясен. Увы, всё не так просто. То, о чём вам несомненно рассказал ваш Президент, – лишь малая и, признаться, не самая важная из наших... способностей. Для демонстрации, само собой, выглядит эффектно, и... очень полезно в ряде случаев. Но имеется и многое другое, друг Горацио... Продолжение цитаты вы знаете. Одним словом, я бы хотела довести до вашего сведения следующее – окружающий мир устроен совсем не так, как вы привыкли себе представлять. Отвратительно устроен – скажу от всего сердца. Соответственно – все ваши навыки, знания и привычки – примерно как семь классов школы при поступлении в аспирантуру Курчатовского института. Большинство из вас, естественно, не помнит, но аттестат об окончании «неполной средней школы» с начала двадцатых годов и до конца пятидесятых был документом, легко позволявшим занять абсолютно любой государственный и партийный пост. У Кагановича подтверждённых классов вообще два набралось, а наркомом путей сообщения он стал вполне успешным. С тех пор роль образования значительно возросла. Так что учиться придётся всем нам, независимо от желания. Особенно в свете наличия буквально на расстоянии вытянутой руки такого феномена, как возрождённая Российская Империя...

Последние слова Сильвии внесли явный интеллектуальный и эмоциональный беспорядок в и так не слишком монолитные ряды «президентской рати».

Люди-то они все были мыслящие, притом умеющие это делать в любых обстоятельствах, за оговорку никто это заявление не принял, но вот отреагировали каждый по-своему.

Первым нарушил немую сцену Философ.

– Конкретнее можно изложить последний тезис? В форме, доступной для нашего, без всякой иронии признаю, плохо информированного в данном вопросе общества? – спросил он. И взглянул на Президента.

Тот сидел, опустив глаза к столу, и что-то рисовал в лежащем перед ним блокноте.

«Да ему же скучно! – подумал Философ. – Невероятно, но факт. Такое впечатление, будто он уже знает, о чём речь. И ждёт каких-то других слов, главных. Причём ждёт тревожно... Самое главное – узнал он об этой «другой России» только что, скорее всего – когда прогуливался с этой интриганкой по участку. Когда ехали сюда, он ещё был не в курсе, ручаюсь. Иначе бы обязательно поставил нас в известность. Но ведь и Анатолий был с ними. Он тоже знает, о чём речь? Интересно карты ложатся...»

– Нет ничего проще, – заверила Сильвия, – при условии, что вы, как и положено человеку вашей профессии, в традициях сократической школы согласитесь считать мои слова истинной, пока не сумеете доказать обратного. Логическим или эмпирическим³⁹ способами. Видите ли, прямо рядом с нами, ещё точнее – одновременно с нами и занимая то же самое место в пространстве, – она широким жестом обвела окружающий пейзаж, – существует практически аналогичная страна Россия. Отличающаяся лишь тем, что в ней большевики проиграли Гражданскую войну уже к началу девятнадцатого года. Что из этого последовало – вам, надеюсь,

³⁹ Эмпиризм – направление в теории познания, признающее чувственный опыт единственным источником достоверного знания.

понятно. Там тоже говорят по-русски, строят своё светлое будущее, как они его понимают, уже девяносто лет без войн и революций. При этом те, кто осведомлён о существовании нашей с вами реальности, крайне встревожены тем, что здесь творится...

Философ, Контрразведчик, Юрист, Финансист и Дипломат не удержались от внешнего проявления эмоций. Каждый в своём стиле, ноотреагировали. В диапазоне от явного недоверия до сдержанного возмущения тем, что в серьёзном обществе и при важном разговоре допускаются подобного рода высказывания. Как если бы при встрече глав государств, хотя бы и «без галстуков», кто-то начал травить казарменные анекдоты.

Одновременно Философ заметил совсем неадекватную реакцию Журналиста и Писателя. Именно – неадекватную с точки зрения «нормального человека», только что узнавшего о факте, меняющем всю привычную картину мира и его личную судьбу заодно. Эти двое держались так, будто не услышали ничего нового и с нетерпением ждут продолжения. Что при этом подумал Контрразведчик, и заметил ли он вообще такую тонкость – неизвестно.

Переговорщики со стороны Сильвии вообще никаких эмоций не проявляли, что и понятно. Они сейчас словно были в своём праве, пусть и на чужой территории.

Зато Писатель прямо расцвёл. Бросил три быстрых взгляда – на Сильвию, Президента и самого Философа. При этом последнему – подмигнул.

Другого от него и ждать не следовало, будь он только старым школьным другом и автором развлекательных книжек. Но он ведь ещё и в кое-каких спецструктурах послужил. Выше подполковника не поднялся, но для написания достоверных исторических боевиков – более чем достаточно.

Что-то интересное начинается, знать бы вот только – что. Но ждать в любом раскладе недолго. Так и вышло.

– Очень хорошо, – с серьёзным видом согласился Философ. – Поскольку я действительно не в состоянии привести обоснованных доводов против вашего утверждения, считаем его принятым. Рядом с нами на самом деле существует параллельная Вселенная, в ней – Солнечная система, Земля, на ней, само собой, присутствует и Россия. Правда, мне не совсем ясно, отчего она тысячу лет развивалась абсолютно идентично с нашей и только именно в девятнадцатом году решила пойти собственным путем. Не надо мне ничего объяснять, – предостерегающе поднял он руку. – Я тоже читал достаточно и серьёзных работ, и беллетристики. В нашем случае это такая же данность, как, предположим, температура кипения воды или скорость звука. Меня другое интересует. Хочется понять ваши, обаятельнейшая Сильвия Артуровна, мотивы. С любой разумной точки зрения. Интерес ваш не просматривается в заявленных обстоятельствах. До того как вы объявили о существовании «параллельной России», я, к примеру, мог для себя ваши действия объяснить. Обращаясь к Президенту, вы намеревались легализовать свою организацию и уже в официальном статусе добиваться тех или иных целей. Мы с вами могли бы достичь, рано или поздно, взаимоприемлемого консенсуса. И хотя бы лично я готов был на сотрудничество, тоже имея в виду свой интерес...

– Господа, – вдруг перебил его Фёст. – Может быть, сделаем паузу? Выпьем, раз уж сидим за накрытым столом, чуть снизим накал обсуждения. Спешить нам особенно некуда...

– Дельное предложение, – поддержал его Писатель. – Никто нас в шею не гонит. Куда более простые вопросы на международных конгрессах неделями и месяцами обсуждались...

– Не возражаю, – ответил Философ. – Только позвольте, я всё же закончу свои тезисы. Повторяю – я был готов поддержать идею сотрудничества с «Комитетом». Но если вы вводите дополнительный фактор, эту самую вторую Россию, так зачем вам мы? Чего вы надеетесь получить здесь, уже имея гораздо более мощного и благополучного, как мне представляется, союзника? Извините – моего воображения хватает только на весьма неприятный для Российской Федерации вариант, и я его принять не могу. Лично я! – с какой-то бесшабашной отчаянно-

стью заявил он. Будто после этих слов его тут же поволокут на дыбу. Так хоть рубашку на груди перед этим рвануть.

Сильвия, ничего не ответив, посмотрела на Президента. Тот едва заметно пожал плечами, явно не собираясь высказывать своё мнение.

– Вы всё время говорите только об интересах, – снова ответил за неё Фёст, – и совершенно забыли о такой категории, как идеалы. А они нередко выше... Разве не так?

– Господа, господа, – постучал вилкой по хрустальному бокалу Журналист, – давайте действительно последуем предложению Петра Петровича, выпьем прежде всего за взаимопонимание. Как бы ни расходились наши мнения, поводов для конфронтации у нас нет и быть не должно. Осознаем прежде всего величие момента – это ведь больше, чем даже встреча инопланетных цивилизаций. У меня просто слов нет. Каждый из нас, – он сделал жест, будто захотел обнять всех присутствующих разом, – и каждая из Росий как бы обретает свою утерянную почти век назад половину...

– Аркадий, не говори красиво! – с усмешкой процитировал Островского (не Николая, а Александра Николаевича, драматурга) Контрразведчик.

Наступила некоторая разрядка. Выпили, кто водку, кто вино или коньяк, заговорили все разом, свои со своими и через стол. Теперь друзья Президента видели своих гостей как бы другими глазами, искали и находили раньше не замеченные отличия в манере поведения и речи.

– Что же ты меня заранее не предупредил? – с лёгкой обидой спросил Философ Журналиста. – Кажется, нетрудно было, я бы хоть морально подготовился. И до сих пор что-то скрываешь, только в толк не возьму, что именно. Чем она вас с шефом обратила в свою веру?

– Ну, подожди ещё немного. Тебе же интересней будет, – ушёл Анатолий от прямого ответа.

– Как знаешь. – Философ отстранился и потянулся с рюмкой к сидящему напротив Фёсту, резонно считая его человеком, не менее информированным, чем Сильвия.

Когда застолье приобрело хотя бы подобие непринуждённости, Сильвия решила снова обострить партию. Без всякого заранее написанного сценария, полагаясь только на интуицию и естественный ход событий.

– Моим словам большинство из вас всё же не поверили, господа. – Набор улыбок леди Спенсер был исчерпаем. – Как-то легкомысленно отнеслись. Придётся углубить шокирующее действие...

Она вдруг сделала шаг назад, согнулась в изящном полупоклоне и возгласила тоном и децибелами средневекового дворцового герольда:

– Его Величество Государь Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий князь Финляндский, Всея Великая и Малая и Белая Руси Государь и Повелитель, и прочая, и прочая, и прочая!

Сильвия произнесла лишь «малый титул». Если бы она взялась излагать «Большой», церемония непременно потеряла бы темп, а в нём вся интрига и заключалась.

«Немая сцена» из финала «Ревизора» произошла немедленно. Олег Константинович, своим нынешним обликом более напоминающий егеря с дальнего кордона, нежели Венценосца, встал, располагаясь улыбнулся всем сразу, сделал шаг навстречу Президенту, едва ли не щёлкнул каблуками, признавая его особой почти что равной себе да вдобавок и полновластным хозяином на своей территории.

Президент почти машинально поднялся, растерянным взглядом скользнул по приближённым, потом посмотрел на Сильвию, снова на Олега. Происходящее, даже после прогулки по Москве, было непонятно, а этого он не любил. Даже когда ещё преподавал в университете. Неужели Сам Император *той* России явился сюда лично, никак подобающим титулу образом сего не обставив?

– Поясните, – после непроизвольно затянувшейся паузы попросил он Сильвию. Задать тот же вопрос непосредственно Олегу что-то ему помешало. А казалось бы...

– Да что тут пояснять, ваше превосходительство, – снова улыбнулась Сильвия. – Просто мы решили, что достаточно испытывать ваше терпение, да и наше тоже, вот и решили сразу расставить все точки и снять все проблемы. Сразу и окончательно.

– После окончания Гражданской войны Учредительное собрание и Земский собор провозгласили Российскую Державу с демократическим парламентским устройством, но одновременно и сохранением поста Местоблюстителя Императорского престола. То есть монархия как бы и сохранялась, но – в латентном⁴⁰ состоянии, примерно так, как Патриаршество в нашей реальности с 1917 по 1943 год. В прошлом году очередной Земский собор решил, что пришло время восстановления Самодержавия в полном объеме. Местоблюститель Великий князь Олег Константинович Романов был провозглашён и коронован Императором Олегом Первым! Его Императорское Величество, осознавая важность момента, нашёл, как видите, возможность и изъявил желание явиться сюда **СОБСТВЕННОЙ АВГУСТЕЙШЕЙ ПЕРСОНОЙ**. Поскольку визит его, как уже было сказано, – неофициальный, было решено все положенные протокольные процедуры отложить до более подходящего момента.

Гражданам, и даже главе демократического государства, было неизвестно и непонятно, как следует вести себя с коронованной особой. Нет, если бы это был иностранный король, султан или эмир, прибывший и принимаемый в установленном порядке – вопросов бы не возникло. Есть на то тщательно прописанный церемониал. А здесь ситуация щекотливая – во-первых, из чего следует, что этот представительный мужчина – на самом деле Император из дома Романовых, в этой реальности давным-давно потерявших права на царствование в полном соответствии с Законом о престолонаследии? Любой актёр мог весьма убедительно сыграть такую роль. Во-вторых, если Сильвия всё-таки сказала правду, как соотносятся в смысле субординации главы одной и той же страны, существующей как бы в двух ипостасях, в юридическом смысле взаимоисключающих. Либо одна, либо другая, но никак не обе сразу.

Впрочем, есть же в физике понятие дуализма волны и частицы.

Император был более подготовлен, поэтому он первый шагнул вперёд и крепко, по-мужски пожал своему коллеге руку.

– Будем знакомы. Окончательно я смогу подтвердить свою подлинность только в одном случае – если вы согласитесь нанести мне официальный визит. Я приму вас в Кремле, и вы лично сможете сравнить, что у нас до сих пор совпадает, а что изменилось бесповоротно.

– Что ж, готов принимать вас в этом качестве, пока не убедился в обратном... – Ошеломление постепенно оставляло Президента.

Император усмехнулся. Очень эта сцена напоминала известный фильм «Иван Васильевич меняет профессию», который Ляхов ему прокрутил в берендеевском конференц-зале.

– С удовольствием приму приглашение, – продолжил Президент, считая, что лицо сохранил, – но, сами понимаете, не сегодня и даже не завтра... – Он до сих пор находился под впечатлением краткой прогулки по *той* Москве и склонен был поверить, что разговаривает действительно с российским Императором. Иначе степень абсурдности превысит все мыслимые пределы.

– Это понятно. Сначала можете направить к нам группу сотрудников, они на месте посмотрят, с моими людьми процедуры согласуют, темы переговоров обсудят, тогда и милости просим. Но и сейчас нам есть о чём мнениями обменяться, а то мы всё подходим, подходим, да к делу никак не перейдём.

– Я готов вас выслушать. Это как-то будет связано с событиями последних дней, «Чёрной меткой» и всем прочим?

⁴⁰ Латентный (*лат.*) – скрытый, невидимый, существующий, но внешне не проявляющийся.

– Как вам сказать... Меня, согласно занимаемой должности, подобная мелочь не слишком интересует. Ваши это внутренние дела, не мои.

– Тогда я вообще не понимаю, на каком основании *ваши* люди в них вмешиваются? Что бы у нас ни происходило – это наши вопросы, наше суверенное право.

– По поводу последнего не смею возражать. Только так называемый «Комитет» – организация не моя. И входят в него граждане, так сказать, экстерриториальные. Кое-кто из числа ваших подданных, иные, насколько мне известно, – из третьих и четвертых параллельных времен. Мне тоже, знаете ли, – по-свойски улыбнулся Император Президенту, – пришлось в эти вопросы вникать. Просто я по основной специальности учёный-естествоиспытатель, мне легче было соотнести реалии натурфилософии и политики. В этом самом «Комитете» из моих – только полковник Ляхов, до последнего участвовавший в этих делах по своей личной инициативе. Меня он поставил в известность о своём фактическом там статусе совсем недавно. Я счёл, что вещи, выходящие за пределы, артикулом определённые, являются личным делом каждого. Потом все эти *ваши* дела завертелись, явно угрожающие спокойствию *моей* Державы. Вадим Петрович, как мог, объяснил обстановку. И убедил встретиться с вами. Я согласился, скорее из любопытства, поскольку, как уже сказал – до того, как Императором стать, всё больше научными исследованиями занимался, путешествовал, книжки писал. Пока Отечество не призвало...

– Экстерриториальные? – Президент явно путался в изящных построениях Олега. – А я вот вообразил, что и Сильвия Артуровна, и всё остальные – прибыли к нам от вас. И занялись, как говорится, «самодеятельностью», с полным основанием квалифицируемой как вмешательство во внутренние дела иностранного государства.

– Ну, «иностранной» я бы вашу Россию не назвал. Тут вообще никакие привычные нормы права неприменимы. На ваше отражение в зеркале чья юрисдикция распространяется?

Вмешался Философ:

– Ваше Величество, господин Президент, парадоксов в данной ситуации лучше избегать. Мы в них запутаемся, и ни к чему хорошему это не приведёт. Для общей пользы давайте всё-таки считать нашу и вашу России совершенно самостоятельными и независимыми государствами. Дружественными, союзными сколь это возможно, но всё же суверенными. И контакты, если договоримся, будем поддерживать на уровне обычных посольств... Иначе можем зайти слишком далеко.

Он взглядом спросил Президента, согласен ли тот с его инициативой. Тот кивнул и добавил:

– За одним исключением. В открытую объявить о появлении на карте мира «другой России», на мой взгляд, пока невозможно. Наши контакты придётся до поры осуществлять под грифом высшей степени секретности. Не подключая к этому официальные структуры. Думаю, объяснять причину нет необходимости. И ещё – как в данном случае понимать термин «экстерриториальность»?

– В самом прямом, – ответила Сильвия. – Наш комитет не принадлежит ни к одной из известных нам реальностей и одновременно – ко всем сразу. Нам на этот момент известно, как минимум, семь. И все они друг с другом взаимосвязаны – в некотором смысле каждая является причиной и одновременно следствием всех остальных. Мы не настолько хорошо представляем себе основы такого мироустройства, но эмпирическим путём установили, что любые потрясения в любой доступной точке континуума способны вызвать нечто вроде эффекта домино. С непредсказуемыми, как любят выражаться журналисты, последствиями. Вот нам и приходится отслеживать неблагоприятные тенденции в каждой из них и, в случае необходимости, принимать адекватные меры.

– Без согласия коренных обитателей этих «реальностей»? – не совсем искренне удивился Президент.

– А как вы себе представляете получение этого «согласия»? Вы, юрист-правовед! Всенародным плебисцитом? Или обращением к законным властям с разъяснениями? Был у нас случай, в одной из «веток» *вашей* реальности. Там пришлось экстренно решать вопрос об отстранении от должности хорошо вам известного «товарища Ежова». По понятным причинам мы это сделали, не обращаясь к единственно законному органу народного представительства, Верховному Совету СССР. К «народу вообще» тоже не обращались. Да и товарища Сталина, принявшего «окончательное решение», мы *сыграли втёмную*. Неужели вы считаете, что если бы и *здесь* товарищ Ежов был ликвидирован своевременно, пусть и без соблюдения «юридических процедур», и на его место поставлен другой человек, отнюдь не Берия, народу, стране стало бы хуже? Может быть, вы скажете: «Pereat mundus et fiat justitia!»⁴¹ Для меня это спорный тезис.

Вот в теперешнем случае мы решили действовать открыто, обратились прямо к верховной власти в вашем лице. И что? Чувствую – обсуждение ситуации затянется на месяцы, при том что большую часть наших доводов вы явно не готовы воспринять. Не в силу своей ограниченности или злой воли, упаси бог! Просто для того, чтобы знать то же, что знаем мы, мыслить в унисон, вам придётся присоединиться к нашей организации, сначала – в качестве учеников. Вот господин Ляхов третий год с нами взаимодействует, благодаря чему оказал Престолу и Отечеству неоценимые услуги, но полноценным членом комитета так и не стал. Именно потому, что иначе у него не осталось бы времени на службу. А в отставку выходить он не хочет.

При этих словах Император молча кивнул. Да, мол, подтверждаю всё сказанное.

– Ну и какая же опасность грозит «реальностям» сейчас? Исходит она из нашей страны, раз вы обратили на неё своё «благодарное внимание»? – Президент постарался, чтобы все присутствующие ощутили его иронию и даже сарказм.

– Вашему превосходительству достаточно дать поручение тем руководителям МГБ или иных организаций, которым он безусловно доверяет, предоставить ему полную информацию по событиям, имевшим место в Москве осенью прошлого года. У нас та операция прошла под кодом «Ночь и туман»⁴², – впервые взял слово Фёст. – Только запросите *действительно* полную информацию. С фактами, установочными данными на бесследно исчезнувших лиц (не вокзальных бомжей, конечно, а действительно *значащих* фигур), посадите хоть целое аналитическое управление, пусть они вам все версии выдадут, а заодно и изменения, которые после всего этого произошли в раскладах внутри ОПГ, финансового и политического сообщества...

– А зачем? – спросил Контрразведчик, который наверняка был в курсе если и не всего, то значительной части того, о чём говорил Фёст. – Если вы располагаете всеми необходимыми материалами, так и поделитесь. Конфиденциальность я гарантирую.

– Для повышения уровня взаимного доверия. Чтобы это не выглядело примитивной «дезой» или попыткой оказать на вас информационное давление. А если возникнут вопросы – охотно на них отвечу. Я тоже лицо неофициальное, у меня свой бизнес...

Контрразведчик взглянул на протянутую Фёстом визитку, удивлённо приподнял бровь.

– Совершенно верно. Именно на этом уровне меня и воспринимайте. «Паранормальные явления», и ничего больше. Сейчас мы занимаемся в основном ясновидением, в разработке левитация и телепортация. Кое-каких успехов добились, как видите. А если без шуток... Так до конца и не прояснённые нами силы пытаются использовать территорию вашей России для дестабилизации соседней. И нет оснований надеяться, что прошлогоднее поражение противника его так уж образумило. Ещё проще – наша страна сейчас – это вражеский плацдарм, с которого планируется очередное и гораздо более масштабное вторжение к ним, – он указал на Олега Константиновича. – Это нешуточная угроза сразу двум реальностям, вплоть до их

⁴¹ Правосудие должно свершиться, даже если погибнет мир (*лат.*).

⁴² См. роман «Хлопок одной ладонью».

физического, а не только политического существования. Такого, я думаю, не потерпит даже Румыния от Болгарии, например.

Президент вдруг уловил в голосе Фёста знакомые нотки. «Александр Александрович?» Пожалуй, он самый. Грим гримом, а взгляд, голос, манеру говорить замаскировать трудно.

Говорить об этом вслух он не стал, разговор и так пошёл слишком скомканный. В подтверждение той мысли, что действительно не два посольства суверенных держав здесь встретились, а близкие родственники (причём скорее – из южной семьи, многочисленной, с полузабытыми генеалогическими отношениями), для которых сиюминутное настроение и какие-то давние пересечения внутрисемейных приязней и антипатий куда важнее внешней пристойности и этикета.

Сам Президент и то подумал, что интересная юридическая коллизия вырисовывается, если к ней с беспристрастной меркой подойти. В смысле – является ли *его* страна правопреемницей царской? До семнадцатого года существовавшей, как Ельцин в своё время признал РФ правопреемницей СССР со всеми юридическими и политическими последствиями. Или же ныне здесь присутствующий Олег Константинович вправе предъявить собственные *ленные* права на это, с точки зрения параллельной реальности, «*химическое*» государство. Как Китай на неизвестно кому по праву принадлежащий Тайвань.

Подумал мельком, но тут же и оформил эту мысль в чёткое решение. Почему и стал Президентом, а не совладельцем мелкой коммерческой фирмы или «помощником присяжного поверенного». Данное подобие переговоров – немедленно прекратить. Дабы не придать им какое угодно подобие легитимности. Познакомились – достаточно. В частном порядке можно ещё какое-то время пообщаться с человеком, назвавшим себя «Императором», ничем не более убедительным в данной роли, чем насмешливо улыбающийся «Александр Александрович». Для окончательного прояснения позиций и ситуации.

Президент уже почти сумел отрешиться от впечатления, полученного за время краткой прогулки по *чужой* Москве. Ну, было и было, причём не совсем даже и ясно, *что было*, и было ли на самом деле.

А вот своим друзьям-консультантам он немедленно поручит вступить в самые тесные отношения со своими *визави*. Каждый из них, судя по всему, занимает примерно аналогичное положение при своём «государе», и поговорить им будет о чём. Пусть найдут способ (а зачем его искать, сами предложат) заручиться приглашением в гости в ту реальность. На неделю, на месяц – несущественно. Командировку выпишем и командировочные выплатим по факту, невзирая, что и годичная командировка может ограничиться тремя секундами. Именно столько времени сам он провёл *там*, если верить подаренному главой Швейцарской Конфедерации штучному «Лонжину».

Олег Константинович, очевидно, пришёл к такому же выводу – о бессмысленности ожидания от встречи с «этим мальчишкой» немедленного позитива. «Мальчишка» – отнюдь не подразумевало негативного отношения ненамного старшего по возрасту Императора к своему... Да неизвестно, как его и назвать, исходя из понимания вопроса. О жизненном опыте думал Император, о том, что наверняка руководитель этой России (термин «Президент» ему даже про себя произносить было неприятно. Как глотать «консоле» вместо борща с добрым куском мяса) понятия не имеет, как седлать коня, как трястись в этом седле по полусотне вёрст ежедневно, не снимая ладони с шейки приклада верного карабина, в любую секунду ожидая... Да чего угодно ожидая в двухсотвёрстной полосе по обоим берегам Амура.

И слишком уж этот «Президент» сейчас пытается... Да, именно пытается выглядеть «соответствующим должности». А этого не надо. Пытаться. Сам он, ещё тридцатилетний капитан, заезжал, небритый, в пропотевшем кителе, на глухую таёжную станицу, от которой за трое суток переменным аллюром никуда не доскачешь, и полдюжины заслуженных дедов, на вечер-

ние посиделки у правления выходившие в выцветших гимнастёрках, при крестах и медалях, инстинктивно, пусть и с достоинством, вставали и отдавали честь. И не ехали при этом впереди него машины с мигалками, кортеж мотоциклистов (эти тонкости здешней жизни Секонд ему показал на видеороликах).

Три казака позади, верный Миллер, или Чекменёв рядом – и достаточно. Пять патронов в карабине, десять в «маузере». Вот в этих пределах ты и человек. Само собой – глаза при тебе, руки-ноги, сила и реакция. «Благословение Господне» – как получится. «Ему там» виднее. Захочет – снаряд, точно в тебя направленный, рядом упадёт и не взорвётся. Захочет – шею сломаешь, не на тот край лавочки сев.

Олег Константинович улыбнулся. Секонд и Миллер знали эту добродушную, одновременно хитрую улыбку.

– Может быть, для укрепления взаимного доверия согласитесь принять моё предложение? – спросил он у Президента, заведомо не рассчитывая на позитивный ответ. – Тут до моей летней резиденции не так уж далеко. Посидим, поговорим. Приму по-царски... – опять якобы с усмешкой. – Посмотрите, как при «военно-феодальном строе» живём.

Это уже откровенная *подкалка*, на основе почерпнутых Императором из нескольких доставленных флигель-адъютантом *отсюда* книг, написанных в стиле марксистско-ленинского понимания истории. Ничего, кроме отвращения, они у него не вызвали.

– Спасибо... – Президент замялся. «Вашим Величеством» называть собеседника явно не хотелось.

– Да Олег, и всё, – понял его затруднение Император.

– Олег... Спасибо за приглашение, «царский обед» нам и здесь скоро накроют. Но вы должны понять...

– Да не затрудняйся ты так, – вдруг перешёл на «ты» Олег Константинович. – Свои же люди. Давай я тебе лучше подарочек сделаю...

Президент насторожился.

Он, в отличие от президента американского⁴³, догадывался, что подарочки очень разные бывают. От иного долго-долго не сообразишь, как избавиться. Да и «отдариться» не всегда получается.

Император сделал жест в сторону войскового старшины Миллера. Тот немедленно извлёк из внутреннего кармана куртки (адъютантской полевой сумки с собой не взял) не слишком большую, обтянутую вишнёвым бархатом коробочку.

– Возьми, товарищ (другого слова Император не нашёл, кроме этого, очень почётного обращения, к большевикам отношения не имеющего⁴⁴), просто в память нашей встречи. – О том, как это слово воспримут *аборигены*, он не задумался.

Президент взял, оснований отказаться не было, хотя Контрразведчик непроизвольно дёрнулся.

Внутри лежал орденский крест, размером с Георгиевский третьей степени, но иной формы, выполненный из золота, с чёрно-белой эмалевой окантовкой лучей, с кольцом для шейной, сейчас отсутствовавшей ленты.

– Это не орден, макет, – пояснил Олег Константинович. – Пока не утверждённый, но исполненный в натуральную величину и из натуральных материалов...

– Действующая модель паровоза в натуральную величину, – вроде бы буркнул себе под нос Писатель, но все услышали.

⁴³ См. роман «Мальтийский крест», т. 2.

⁴⁴ К примеру, адмирал В.А. Корнилов обращался к войскам: «Товарищи! На нас лежит честь защиты Севастополя...» (Е. Тарле. Крымская война. М., АСТ. 2005).

– Вот именно, друг мой, вот именно, – немедленно отреагировал Император. – Вы и раньше, как я заметил, проявляли должную быстроту мышления, так я попрошу вас к себе в гости независимо от точки зрения *политической*.

Нет времени сейчас описать выражения глаз, лиц, а главное – мысли людей с президентской стороны стола. Достаточно одной, Журналиста: «Трепач, ничего для собственного успеха не сделал, а в «мэтрах» обозначился. И сейчас совсем не в тему ляпнул, и на тебе, личное приглашения! Я первый *туда* сходил, и что?»

Причём мнение это было совершенно дружеское. Без тени зависти или желания навредить, точно как непроизвольный вскрик – собрался то ли на мизер, то ли на тотус упасть, просчитал, ослабило, партнёру прикуп отдал. А там либо два туза в жилу, либо две «хозяйки». И тебе и ему одинаково, на двенадцати картах игралось. Но ведь обидно же! Сам Боб Власов, любимый партнёр, чуть не Капабланка в «префе», и тот в таких случаях едва не до слёз расстраивался.

Президент «макет» орденского знака принял. Внимательно его осмотрел, с особым вниманием прочёл «девиз»: «Рука всевышнего отечество спасла!»

– Это по какому случаю? – на всякий случай спросил, ибо в истории «параллельной», естественно, был не силен. Но что-то такое ему эти слова напоминали.

Что так называлась весьма популярная в тридцатые годы уже позапрошлого века драма Кукольника, Нестора Васильевича, изданная раньше «Ревизора» Гоголя и «Героя нашего времени» Лермонтова, он не помнил, но, как известно: «Высшее образование – это то, что остаётся, когда всё выученное забывается».

Император умел «руководить процессом». Не считал нужным отвечать сам, если подчинённые могли это сделать лучше или видел для себя «некоторый урон».

Не войсковой старшина Миллер, державший в руках коробку с наградой, а флигель-адъютант Ляхов, по незаметному знаку, ответил со всем возможным пиететом к любым проявлениям «щепетильности»⁴⁵ со стороны здешнего правителя. Так, «чтобы очень», как в грузинском анекдоте, этот Президент ему не нравился. Но – должностное лицо, официального почтения заслуживающее.

– Ваше Превосходительство! – Ляхов очень здорово умел «играть голосом», щёлкать каблуками любой надетой на нём обуви и вообще выглядеть так, что «проникались» и начальствующие мужчины, и самые красивые женщины, вроде Майи Скуратовой. – Данный орденский знак Его Императорское Величество решил учредить в ознаменование разгрома вторгшихся на территорию Империи банд, проникших туда с подконтрольной Вам территории. Имевших в своём составе чеченских и иных кавказских, вкупе с иными исламистами сепаратистов, украинских и прибалтийских фашистов, а также и прочих наёмный сброд. Гвардия Государя совместно с доблестными Корниловской и Марковской дивизиями, пришедшими нам на помощь, навели в Москве и окрестностях «конституционный порядок». – Это сочетание Ляхов употребил специально. Чтобы понятнее было.

⁴⁵ Щепетильность, по Далю – привередливость, склонность выискивать во всём неудобные, обидные для себя моменты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.